

КЛЭР ПУЛИ

Правдивая ИСТОРИЯ

Приятный, уютный роман, затрагивающий сложные темы.

Kirkus Reviews

Клэр Пули

Правдивая история

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пули К.

Правдивая история / К. Пули — «Азбука-Аттикус», 2020

ISBN 978-5-389-18871-6

79-летний Джулиан, эксцентричный, одинокий художник, считает, что большинство людей на самом деле не честны друг с другом. А что, если они скажут правду? И поэтому в простой зеленой тетради Джулиан честно рассказывает о себе, а затем оставляет тетрадь в уютном кафе. Моника, невероятно деловая и энергичная хозяйка этого кафе, добавляет свою историю, а потом оставляет тетрадь в винном баре через дорогу, где ее найдет другой человек. Так постепенно тетрадь переходит из рук в руки и объединяет незнакомых людей, при этом кардинально меняя их жизнь, даря им счастье и даже любовь. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18871-6

© Пули К., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Моника	6
Моника	9
Джулиан	11
Хазард	13
Моника	15
Хазард	18
Джулиан	23
Моника	25
Хазард	27
Джулиан	31
Моника	34
Хазард	37
Джулиан	39
Моника	41
Райли	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Клэр Пули

Правдивая история

Clare Pooley

THE AUTHENTICITY PROJECT

Copyright © Quilson Ltd., 2020

Endpapers illustrations © Nathan Burton

This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency

LLC

All rights reserved

Перевод с английского Ирины Иванченко

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© И. В. Иванченко, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

*Моему отцу Питеру Пули,
научившему меня любить слова*

*Звони в колокола – те, что еще звонят,
Забудь о приношении напрасном.
Но хочешь этого иль нет,
Сквозь трещинку проникнет свет.*

Леонард Коэн

Моника

Она пыталась вернуть тетрадь. Едва обнаружив, что тетрадь забыли, она схватила ее и бросилась за необычным владельцем. Но мужчина уже ушел. Он двигался удивительно быстро для человека столь преклонного возраста. Возможно, он действительно не хотел, чтобы его нашли.

Это была обыкновенная школьная тетрадь в бледно-зеленой обложке, похожая на те, что Моника брала с собой в школу и где прилежно записывала домашние задания. Ее подруги рисовывали обложки тетрадей сердечками, цветами и именами своих последних увлечений, но Моника не была настолько глупа. Она слишком уважала добротные канцелярские принадлежности.

На обложке тетради красивым каллиграфическим почерком выведены слова:

Правдивая история

В нижнем углу более мелкими буквами поставлена дата: «*Октябрь 2018*». Может быть, подумала Моника, в тетради есть адрес или хотя бы фамилия, и тогда она сможет вернуть ее. Несмотря на всю неприязнительность, тетрадь несла на себе отпечаток какой-то значимости.

Моника открыла тетрадь. На первой странице было лишь несколько абзацев:

Насколько хорошо вы знаете живущих рядом с вами людей? Насколько хорошо они знают вас? Вы хотя бы знаете имена соседей? Вы поймете, если они окажутся в беде или много дней не будут выходить из дому?

Каждый лжет о своей жизни. Что произойдет, если вместо этого говорить правду? Единственное, что отличает вас, что позволяет поставить все на свои места? Не в Интернете, а с живыми людьми вокруг вас?

Возможно, ничего не произойдет. Или может быть, рассказанная история изменит вашу жизнь или жизнь пока незнакомых вам людей.

Именно это я и собираюсь выяснить.

На следующей странице было написано что-то еще, и Монике не терпелось прочитать, но в кафе как раз была запарка, и она знала, что нельзя выбиваться из графика.хлопотная работа. Она сунула тетрадь на полку рядом с кассой, где лежали меню и флаеры от разных поставщиков. Прочтет позже, когда сможет нормально сосредоточиться.

Моника растянулась на диване у себя в квартире над кафе, держа в одной руке большой бокал «Совиньон блан», а в другой – найденную тетрадку. Моника изводила вопросы, которые она прочла утром, они требовали ответов. Весь день она провела, общаясь с посетителями, подавая им кофе с пирожными, болтая о погоде и обмениваясь последними сплетнями о знаменитостях. Но когда она рассказывала кому-нибудь о себе что-то действительно важное? И что она на самом деле знает о них, помимо того что один любит кофе с молоком, а другой – чай с сахаром? Моника открыла тетрадь на второй странице:

Меня зовут Джулиан Джессоп. Мне семьдесят девять лет, и я художник. Последние пятьдесят семь лет я живу в апартаментах «Челси стьюдиос» на Филхэм-роуд.

Это основные факты, но правда заключается вот в чем: Я ОДИНОК.

Частенько я целыми днями ни с кем не разговариваю. По временам, когда мне все-таки приходится говорить – например, мне позвонили по поводу страхования платежей, – я начинаю издавать какие-то каркающие звуки, ибо голос у меня почти пропал.

Возраст превратил меня в невидимку. Для меня это особенно трудно, потому что прежде на меня всегда смотрели. Все знали, кто я такой. Мне не было нужды представляться. Стою, бывало, в проеме двери, а мое имя шепотом передают по цепочке через всю комнату, и я ловлю на себе взгляды, брошенные украдкой.

Порой я задерживался у зеркал и медленно проходил перед витринами магазинов, разглядывая свой силуэт и волнистые волосы. Теперь, натываясь на свое отражение, я едва себя узнаю. По иронии судьбы Мэри, которая безропотно приняла бы неизбежность старения, умерла относительно молодой, в шестьдесят, а я вот все еще здесь – вижу, как постепенно рассыпаюсь на части.

Будучи художником, я наблюдал за людьми. Я анализировал их взаимоотношения, замечая, что всегда существует равновесие сил. Один партнер более любим, другой – более любящий. Я предпочитал быть любимым. Теперь я понимаю, что воспринимал присутствие Мэри как нечто само собой разумеющееся – с ее неброской миловидностью, розовыми щечками и неизменной заботливостью и надежностью. Я научился ценить ее только после того, как ее не стало.

Моника прервалась, чтобы перевернуть страницу и отхлебнуть вина. Пожалуй, Джулиан ей не очень нравился, хотя и было его жаль. Она догадывалась, что жалости он предпочел бы неприязнь. Моника продолжила читать:

Когда здесь жила Мэри, в нашем небольшом коттедже всегда было полно народу. Повсюду сновали местные ребята, и Мэри угощала их историями, советами, а также шипучкой и чипсами «Монстр манч». Мои менее успешные друзья-художники постоянно без приглашения являлись на обед вместе со своими новыми моделями. Мэри искусно разыгрывала из себя гостеприимную хозяйку, и, наверное, только я замечал, что этим женищинам никогда не предлагали к кофе шоколадных конфет.

Мы всегда были чем-то заняты. Наша светская жизнь вращалась вокруг Арт-клуба Челси, бистро и бутиков Кингс-роуд и Слоун-сквер. Мэри много часов проводила на работе – она была акушеркой, а я колесил по стране и писал портреты людей, посчитавших себя достойными быть запечатленными для потомков.

Каждую пятницу вечером, начиная с конца шестидесятых, мы приходили к пяти часам на расположенное поблизости Бромптонское кладбище, бывшее удобным местом встречи для всех наших друзей, поскольку четыре его угла соединяли между собой Фулхэм, Челси, Южный Кенсингтон и Эрлс-Корт. Бывало, мы планировали свои выходные на могиле адмирала Ангуса Уайтуотера. Мы не знали этого Адмирала, просто случилось так, что над местом его последнего упокоения лежала внушительная плита из черного мрамора, являвшая собой превосходный стол для выпивки.

Во многих отношениях я умер вместе с Мэри. Я перестал отвечать на телефонные звонки и письма. Я дал краскам засохнуть на палитре и однажды, одной невыносимо долгой ночью, уничтожил все свои неоконченные полотна – разорвал их на многоцветные узкие ленты, а потом крошил из них конфетти портновскими ножницами Мэри. Когда примерно пять лет спустя я наконец-то вылез из своего кокона, соседи переехали, друзья от меня отказались, мой агент списал меня со счетов, и тогда я понял, что стал незаметным. Со мной произошла обратная метаморфоза из бабочки в гусеницу.

Каждую пятницу я по-прежнему поднимаю рюмку «Бейлиса», любимого ликера Мэри, на могиле Адмирала, но теперь это только я и призраки прошлого.

Такова моя история. Пожалуйста, не стесняйтесь выбросить ее в мусорное ведро. Или, может быть, вы решитесь рассказать на этих страницах собственную правдивую историю и передать дальше мою тетрадку. Может быть, для вас, как и для меня, это станет катарсисом.

То, что произойдет дальше, зависит от вас.

Моника

Конечно же, она погуглила его в «Википедии». Джулиана Джессопа описывали как художника-портретиста, оказавшегося на пике известности в шестидесятые и семидесятые. Он был учеником Люсьена Фрейда в Школе изобразительного искусства Слейда. Оба они, если верить слухам, на протяжении многих лет обменивались взаимными оскорблениями (и, как следствие, женщинами). У Люсьена было преимущество его великой славы, зато Джулиан был на семнадцать лет моложе. Моника размышляла о Мэри, которая приходила домой, измученная после долгой смены, когда она принимала роды, и не знала даже, куда подевался ее муж. Монике она казалась немного «тряпкой». Почему она просто не бросила мужа? Моника часто напоминала себе, что есть вещи похуже одиночества.

Один из автопортретов Джулиана некоторое время висел в Национальной портретной галерее, на выставке «Лондонская школа Люсьена Фрейда». Моника кликнула на картинку, чтобы увеличить ее, и вот он – мужчина, которого она видела у себя в кафе вчера утром, весь разглаженный, словно изюмина, вновь превратившаяся в виноградину. Джулиан Джессоп, лет тридцати от роду, с зачесанными назад белокурыми волосами, выступающими скулами, чуть насмешливым ртом и пронзительными голубыми глазами. Когда он вчера взглянул на Моника, ей показалось, он заглядывает ей прямо в душу. Немного сбивает с толку, когда пытаешься объяснить клиенту преимущества черничного кекса перед «печеньем миллионера».

Моника взглянула на часы: 16:50.

– Бенджи, можешь с полчасика или типа того присмотреть за кафе?

Не дожидаясь его ответного кивка, она накинула на себя куртку. Проходя через зал, Моника оглядела столы и остановилась, чтобы подобрать со стола № 12 остатки шоколадного торта. Как это они проглядели? Выйдя на Фулхэм-роуд, она бросила кусочек голубю.

Она редко поднималась на верхнюю площадку автобуса и гордилась своей приверженностью правилам здорового образа жизни и безопасности, а взбираться по лесенке движущегося транспортного средства казалось ей неоправданным риском. Но в данном случае ей нужен был хороший обзор.

Моника следила, как голубая точка на гугл-карте медленно перемещается по Фулхэм-роуд в сторону «Челси стьюдиос». Автобус остановился у «Фулхэм-Бродвей», потом покатил дальше, к стадиону «Стэмфорд-Бридж». Впереди маячила современная махина здания футбольного клуба «Челси», и там, в ее тени, немислимим образом стиснутый между двумя отдельными входами для своих и приезжих фанатов, располагался аккуратный кварталчик апартаментов и коттеджей – за неприметной стеной, мимо которой Моника, вероятно, проходила сотни раз.

В кои-то веки радуясь медленному движению транспорта, Моника попыталась угадать, какой из домов – Джулиана. Один стоял немного на отшибе и выглядел чуть более потрепанным, чем остальные, как и сам Джулиан. Она поспорила бы на свою дневную выручку, а это с учетом ее финансовых возможностей было не так уж мало, что это его дом.

На следующей остановке Моника спрыгнула с подножки автобуса и почти сразу повернула налево, к Бромптонскому кладбищу. День клонился к вечеру, тени удлиннились, и в воздухе чувствовалась осенняя прохлада. Это кладбище было одним из излюбленных мест Моника – вневременной оазис покоя в большом городе. Ей нравились богато украшенные надгробия – последняя демонстрация превосходства над другими. *Я увижу твою мраморную плиту с причудливым библейским изречением и подниму тебя на крест, как настоящего Иисуса.* Ей нравились каменные ангелы, у многих из которых теперь отсутствовали жизненно важные части тела, а также старомодные имена на викторианских надгробиях: Этель, Милдред, Алан. Когда мальчиков перестали называть именем Алан? Кстати, а называют ли сейчас дево-

чек Мониками? Даже тогда, в 1981-м, ее родители отличались от других тем, что отвергали такие имена, как Эмили, Софи и Оливия. Моника – вымирающее имя. Она представила себе заголовок на киноэкране: «Последняя из Моник».

Торопливо проходя мимо могил павших солдат и русских белоэмигрантов, Моника чувствовала, что где-то прячутся обитатели дикой природы: серые белки, городские лисы и черные вóроны, охраняющие могилы, подобно душам умерших.

Где же Адмирал? Моника свернула налево, высматривая старика с зажатой в руке бутылкой ликера «Бейлис». Она сама не понимала зачем. Ей не хотелось разговаривать с Джулианом, по крайней мере сейчас. Она догадывалась, что, обратившись к нему напрямую, она наверняка смутит его. Не хотелось с самого начала произвести неблагоприятное впечатление.

Моника направилась в северную часть кладбища, на миг задержавшись, как и всегда, у могилы Эммелин Панкхёрст и молчаливо возблагодарив ее. Обогнув пригорок, Моника пошла по пустынной дорожке к выходу с другой стороны, когда заметила справа какое-то движение. Там, на мраморной могильной плите, со стаканом в руке сидел Джулиан, и в этом было нечто кошунственное.

Моника прошла мимо, опустив голову, чтобы не встретиться с ним взглядом. Потом, минут через десять, он ушел, она вернулась назад, чтобы прочитать надпись на надгробии.

АДМИРАЛ АНГУС УАЙТУОТЕР

С ПОНТ-СТРИТ

Скончался 5 июня 1963 г. в возрасте 74 лет.

Уважаемый командир, любимый муж

и отец и верный друг

БЕАТРИС УАЙТУОТЕР

Скончалась 7 августа 1964 г. в возрасте 69 лет

Монику возмутило, что за именем Адмирала следовало несколько хвалебных слов, в то время как его жена удостоилась лишь даты смерти и пространства для вечности под могильной плитой мужа.

Окутанная тишиной кладбища, Моника немного постояла. Она представила себе группу красивых молодых людей и девушек со стрижками, как у *Битлз*, в мини-юбках и расклешенных брюках, которые спорили и подшучивали друг над другом, и ей вдруг стало одиноко.

Джулиан

Джулиан носил свое одиночество и неприкаянность, как тесноватые башмаки. Он к ним привык, во многих отношениях они стали для него удобными, но со временем начали раздражать, вызывая появление мозолей и наростов, от которых было не избавиться.

Было десять часов утра, и Джулиан шел по Фулхэм-роуд. Лет пять после кончины Мэри он частенько вообще не вылезал из постели, и день плавно перетекал в ночь, неделя шла за неделей. Потом Джулиан обнаружил, что определенный режим очень важен, что он расставляет буйки, за которые можно ухватиться, чтобы остаться на плаву. По утрам в одно и то же время он выходил и примерно час прогуливался по окрестным улицам, по пути покупая необходимые продукты. В тот день в его список входили:

яйца,
молоко (одна пинта),
по возможности, «Энджел дилайт» со вкусом карамели.

Надо сказать, Джулиану не всегда удавалось найти этот десерт. К тому же была суббота, и он намеревался купить журнал мод. На этой неделе подошла очередь «Вог». Его любимого журнала.

Иногда, если продавец в газетном киоске бывал не слишком занят, они обсуждали последние новости или погоду. В такие дни Джулиан ощущал себя почти полноправным членом общества со своими знакомыми, знавшими его по имени, и своим мнением, с которым считались. Однажды он даже записался на прием к зубному врачу – просто для того, чтобы с кем-то убить часть дня. Но, проведя все это время с открытым ртом, лишенный возможности поговорить с мистером Пателем, который бог знает что вытворял с ним с помощью набора металлических инструментов и трубки, издававшей жуткие сосущие звуки, Джулиан понял, что эта идея была не слишком умной. Он ушел от врача, но в ушах у него продолжали звенеть назидательные слова о гигиене рта, и он решил как можно дольше не возвращаться туда. Если он потеряет зубы, то так тому и быть. Он уже потерял все остальное.

Джулиан остановился, чтобы заглянуть в окна кафе «У Моники», уже заполненного посетителями. Он ходил по этой улице столько лет, что мог мысленно представить себе различные реинкарнации этого кафе – подобно тому как при косметическом ремонте комнаты снимаются слои старых обоев. В шестидесятые здесь располагался магазин по продаже угрей и пирогов, но потом угри впали в немилость, и открылся магазин пластинок. В восьмидесятые тут был прокат видео, а затем – кондитерская, закрывшаяся несколько лет назад. Угри, виниловые пластинки и видеокассеты – все отправилось на свалку истории. Даже сласти теперь демонизируются, их обвиняют в том, что дети постоянно толстеют. Наверняка не сласти в этом виноваты, а сами дети или их матери.

Определенно он выбрал правильное место для «Правдивой истории». Джулиану нравилось, что, когда он заказывал чай с молоком, ему не задавали разные замысловатые вопросы по поводу желаемого сорта чайного листа или сорта молока. Чай приносили в приличной фарфоровой чашке, и никто не спрашивал его имени. Джулиан привык подписывать свое имя в нижней части холста. Вряд ли уместно было бы нацарапать свое имя на кружке навынос, как это делают в «Старбаксе». При мысли об этом он поморщился.

Он уселся в мягкое обшарпанное кожаное кресло, стоявшее в дальнем углу кафе Моники, увешанном книжными полками, которые она называла Библиотекой. В мире, где царил электроника и бумага как носитель информации быстро исчезала, Джулиан нашел Библиотеку. В этом месте запах старых книг смешивался с ароматом только что смолотого кофе, вызывая ностальгические чувства.

Интересно, думал Джулиан, что стало с тетрадью, которую он здесь оставил? Он не мог отделаться от ощущения, что сам постепенно исчезает без следа. Однажды, в не столь отдаленном будущем, его голова наконец скроется под водой, оставив едва заметную рябь. Благодаря этой тетради по крайней мере один человек увидит его в истинном свете. Изливать душу было облегчением, словно он ослабил шнурки неудобных башмаков и ногам стало свободней.

Он пошел дальше.

Хазард

Был поздний вечер понедельника, однако Тимоти Хазард¹ Форд, известный всем как Хазард, не спешил домой. Он по опыту знал, что единственный способ избежать отходняка после выходных – не останавливаться. Он принимался отодвигать начало недели все дальше и дальше назад, а уик-энд двигал вперед, пока они почти не встречались посередине. Ближе к среде ненадолго накатывала интерлюдия ужаса, а потом он начинал сначала.

В тот вечер Хазарду не удалось уговорить ни одного из коллег пройтись по барам Сити, и вместо этого он вернулся в Фүлхэм и зашел в местный винный бар. Выискивая знакомых среди редких посетителей, он приметил тонкую как тростинка блондинку, обвившую ногами высокий табурет и склонившуюся над стойкой бара. Она напоминала гибкую гламурную соломинку для коктейля. Хазард был почти уверен, что она ходит на фитнес вместе с девушкой его приятеля Джейка, но понятия не имел, как ее зовут. Однако она была в тот момент единственной, с кем можно выпить, и от этого становилась его лучшим другом.

Хазард подошел к ней с улыбкой, бывшей у него наготове для такого рода случаев. Какое-то шестое чувство заставило ее повернуться к нему, и она улыбнулась в ответ и помахала рукой. Бинго! Каждый раз срабатывало.

Как оказалось, ее звали Бланш. Дурацкое имя, подумал Хазард, можно было и догадаться. Он лениво взгромоздился на табурет рядом с ней, то и дело кивая с улыбкой, пока она знакомила его с друзьями, имена которых поднимались в воздух, как пузырьки, а потом лопались и исчезали без следа. Хазарда не интересовали их имена, а лишь их выносливость и, возможно, нравственность. Чем меньше, тем лучше.

Хазард легко включился в свой обычный регламент. Вынув из кармана пачку банкнот, он начал с помпой угощать присутствующих выпивкой, выполняя заказы от стакана до бутылки и от вина до шампанского. Он озвучил несколько из своих проверенных анекдотов. Затем постарался убедить новую компанию, что у них с ним есть общие знакомые, после чего обрушил на них шквал непристойных сплетен, возможно даже выдуманных.

Как это обычно бывало, компания сгрудилась вокруг Хазарда, но по мере перемещения стрелок больших вокзальных часов на стене за баром толпа постепенно редела. Они говорили: «Пора идти, еще только понедельник», или «Завтра важный день», или «Надо очухаться после выходных, знаешь, каково это». В конечном итоге остались только Хазард и Бланш, а было всего лишь девять вечера. Хазард почувал, что Бланш собирается уйти, и запаниковал:

– Эй, Бланш, еще рано. Почему бы тебе не заглянуть ко мне? – Он положил руку ей на плечо жестом, предполагавшим все остальное, но ничего не обещавшим.

– Конечно. Почему бы и нет? – откликнулась она, как он и ожидал.

Вращающаяся дверь бара вытолкнула их на улицу. Хазард обхватил Бланш рукой, и они перешли проезжую часть и двинулись по тротуару, не обращая внимания на то, что занимают всю его ширину.

Он заметил стоявшую на пути, наподобие дорожного заграждения, миниатюрную брюнетку, когда было уже слишком поздно. Он налетел на нее, не сразу разглядев у нее в руке бокал красного вина, которое теперь довольно комично стекало по ее лицу и, что более важно, разливалось кинжальной раной по его рубашке, купленной на Сэвил-роу.

– Ох, твою мать! – сердито глядя на преступницу, воскликнул он.

– Эй, это ты на меня налетел! – ответила она хриплым от негодования голосом.

На кончике ее носа, как нерешительный парашютист, висела капелька вина, но потом упала.

¹ «Хазард» (Hazard) в переводе с английского означает «риск, опасность». – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Ну и что же ты делала посреди тротуара с бокалом вина? – прорычал он в ответ. – Нельзя, что ли, пить в баре, как все нормальные люди?

– Перестань! Пойдем уже, – сказала Бланш со смешком, действующим ему на нервы.

– Тупая сучка, – повернувшись к Бланш, вполголоса произнес Хазард, но так, чтобы упомянутая тупая сучка услышала.

Бланш снова захихикала.

Когда Хазарда разбудил резкий сигнал будильника, в голове у него возникло сразу несколько мыслей. Первая: «Я спал не более трех часов». Вторая: «Сегодня я чувствую себя даже хуже, чем вчера, и о чем я вообще думал?» И третья: «В моей постели лежит блондинка, с которой я больше не хочу иметь дела и чье имя я не в состоянии вспомнить».

К счастью, Хазард и раньше попадал в подобные ситуации. Он хлопнул по будильнику, а девушка продолжала спать с открытым, как у японской секс-куклы, ртом. Потом он осторожно снял со своей груди ее руку, повисшую, как дохлая рыба, и опустил ее на смятые, пропитанные потом простыни. Похоже, она оставила на его подушке изрядную часть своего лица: красную губную помаду, черную тушь для ресниц и тональный крем цвета слоновой кости, и он удивился, что у нее еще что-то сохранилось. Он выбрался из постели, морщась от боли, ему казалось, что мозг ударяется о череп, как бильярдный шар. Хазард подошел к комоду в углу комнаты, и там, как он и рассчитывал, лежал клочок бумаги с нацарапанными словами: «ЕЕ ЗОВУТ БЛАНШ». Боже, до чего же он умен!

Хазард быстро, стараясь не шуметь, принял душ и оделся, потом нашел чистый лист бумаги и написал записку:

Дорогая Бланш, во сне ты выглядела такой мирной и красивой, что было жалко тебя будить. Спасибо за прошлую ночь. Ты была потрясающей. Когда будешь уходить, не забудь плотно закрыть дверь. Позвони мне.

Была ли она потрясающей? Поскольку он фактически ничего не помнил примерно с десяти часов вечера, когда появился его дилер, – даже раньше, чем обычно случалось по понедельникам, – это вряд ли имело значение. Внизу он приписал номер своего сотового, но, чтобы им никак нельзя было воспользоваться, аккуратно поменял местами две цифры и оставил записку на подушке рядом с непрошеной гостьей. Он надеялся, что, вернувшись, не найдет даже ее следа.

Хазард дошел до станции метро на автопилоте. И хотя стоял октябрь, на нем были темные очки, защищавшие глаза от тусклого света нового дня. Дойдя до места вечернего столкновения, Хазард остановился. Он был почти уверен, что различил на тротуаре несколько пятнышек кроваво-красного вина, словно напоминание о потасовке. Перед ним всплыла непрошенная картина: на него злобно, с неподдельной ненавистью смотрит хорошенькая вздорная брюнетка. Женщины никогда так на него не смотрели. Хазарду не нравилось, когда его ненавидели.

Потом его вдруг кольнула мысль, содержащая в себе неприятную правду: он себя тоже ненавидит. Вплоть до мельчайшей молекулы, ничтожнейшего атома, самой микроскопической субатомной частицы.

Надо что-то менять. Фактически *всё* менять.

Моника

Моника всегда любила цифры. Ей нравились их логика, их предсказуемость. Она находила глубокое удовлетворение в решении уравнений с двумя неизвестными, x и y . Но сейчас цифры на бумаге перед ней не хотели слушаться. Сколько бы она ни складывала цифры в левом столбце (доход), они были не в состоянии покрыть сумму в правом (расходы).

Она вспоминала дни работы корпоративным юристом, когда складывание цифр было рутиной, никогда не лишавшей ее ночного сна. Она составляла контракты, печатая их мелким шрифтом, пролистывала бесконечные тома законов и выставляла клиенту счет в двести пятьдесят фунтов. Теперь для получения тех же денег ей нужно продать *сто* средних чашек капучино.

Зачем ей понадобилось с такой поспешностью предпринимать столь важное изменение в жизни, руководствуясь эмоциональными мотивами? Ей, кому для выбора начинки для сэндвича надо было мысленно рассмотреть все за и против, сравнить цены, питательные свойства и количество калорий?

Моника обследовала все кафе на пути между своей квартирой и офисом. Ей попадались в основном скучные, неопрятные и однотипные сетевые кафе. Каждый раз, переплачивая за посредственный кофе, она представляла себе свое идеальное кафе. Там не будет раскрашенного бетона, заплесневелого пластика, выступающих из стен труб или ламп и столов в индустриальном стиле, – скорее, вы почувствуете, что вас пригласили к кому-то домой. Там будут уютные, не сочетающиеся друг с другом кресла, эклектичные картины на стенах, газеты и книги. Книжки повсюду – не просто для вида, но чтобы их можно было снять с полки, почитать и забрать с собой домой, коль скоро оставишь на месте одной другую. Бариста не станет спрашивать вашего имени, чтобы с ошибками написать его на вашей чашке. Он уже будет его знать. Он осведомится об имени ваших детей и вашей кошки.

Однажды, идя по Фулхэм-роуд, она заметила, что пропыленная старая кондитерская, испокон века бывшая там, наконец закрылась. На фасаде красовалась большая вывеска: «АРЕНДА».

Каждый раз, проходя здесь, Моника слышала голос своей матери. В те последние несколько недель, пропитанных запахом болезни и распада, перемежавшихся электронным писком медицинского оборудования, мать настойчиво пыталась, пока еще не поздно, передать дочери накопленную десятилетиями жизненную мудрость. *Послушай меня, Моника. Запиши, Моника. Не забудь, Моника. Не для того Эммелин Панкхёрст надела на себя эти оковы, чтобы мы всю жизнь чувствовали себя маленькими винтиками большой машины. Будь сама себе начальником. Создавай что-то. Нанимай людей. Дерзай. Занимайся любимым делом. Сделай его значимым.* И Моника вняла этому совету.

Моника сожалела, что не может назвать кафе в честь матери, ведь ее звали Чарити², а назвать кафе словом, не предполагавшим необходимость платить, едва ли было удачным деловым решением. Как оказалось, все было не так-то просто.

Кафе было ее мечтой, но это не означало, что ее мечту кто-то еще обязательно разделит с ней. Или, по крайней мере, таких было недостаточно, чтобы покрыть все расходы, а она не могла вечно восполнять недостачу – банк этого не допустил бы. Голова у нее шла кругом. Моника направилась к бару, чтобы налить себе в большой бокал остатки красного вина из бутылки.

Быть боссом – очень здорово, мысленно говорила она матери, и она всем сердцем любила свое кафе, но ощущала себя одинокой. Ей не хватало офисных сплетен около кулера с водой,

² «Чарити» (Charity) в переводе с английского означает «благотворительность, милосердие».

компании коллег, собирающихся на вечерних рабочих совещаниях с пищей на столе. Она даже ловила себя на том, что с нежностью вспоминает эти нелепые корпоративные вылазки на природу, офисный жаргон и малопонятные акронимы из трех букв. Монике нравилась ее команда в кафе, но между ней и ими всегда существовала некоторая дистанция, поскольку она отвечала за их жалованье, а в данный момент даже ее собственное жалованье ставилось под сомнение.

Она вспомнила о вопросах, которые задавал тот мужчина – Джулиан – в тетради, оставленной на этом самом столе. Она одобряла его выбор. Моника поневоле судила о людях по тому месту, которое они выбирали в ее кафе. *Насколько хорошо вы знаете живущих рядом с вами людей? Насколько хорошо они знают вас?*

Она думала обо всех людях, которые придут и уйдут сегодня под беспечный звон колокольчика. Все они связаны, больше чем когда бы то ни было, с тысячами людей – друзьями из социальных сетей, друзьями друзей. И все же не чувствуют ли они, как и она, что им не с кем поговорить? Поговорить не о недавнем изгнании знаменитости из дому, с острова или из джунглей, но о важных вещах, которые не дают уснуть. Например, о цифрах, не подчинявшихся твоей команде.

Моника засунула бумаги в папку и, взяв телефон, загрузила Facebook и стала его просматривать. По-прежнему никаких следов Дункана – парня, с которым она познакомилась в социальных сетях, а в последний раз виделась несколько недель назад. Дункан, веган, который отказывался есть авокадо, потому что фермеры для опыления используют пчел, но считал абсолютно приемлемым заниматься с ней сексом, а затем просто *исчезнуть*. Его больше волновали чувства пчелы, чем чувства Моники.

Она продолжала прокручивать экран, хотя и знала, что это не только не принесет утешения, но и слегка растравит душу. Хейли изменила статус своих отношений на «помолвлена». Ух ты! Пэм поместила свои снимки с тремя детьми – плохо и неумело завуалированное под самоуничтожение бахвальство. Салли показала УЗИ своего ребенка – двенадцать недель.

УЗИ плода в утробе. Зачем вообще это присылать? Все они выглядят одинаково, ни один не похож на реального ребенка, скорее, все это напоминает погодную карту, предсказывающую область высокого давления над Северной Испанией. И тем не менее каждый раз при виде подобной картинке у Моники перехватывало дыхание, на нее накатывали острая тоска и унижительный приступ зависти. Иногда она ощущала себя старым разбитым «фордом-фiesta», брошенным на обочине дороги, когда другие машины проносятся мимо по скоростной полосе.

Кто-то оставил сегодня на столе экземпляр «Хелло!». В глаза Монике бросился кричащий заголовок об одной голливудской актрисе, испытавшей счастье материнства в сорок три года. Во время кофе-брейка Моника пролиставала журнал, выискивая объяснение того, как это удалось той актрисе. ЭКО? Донорство яйцеклеток? Заморозила ли она свои яйцеклетки несколько лет назад? Или это произошло легко? Сколько времени оставалось в запасе у ее яичников? Пакует ли уже счастливая семья чемоданы для уединенного отдыха на Коста-Брава?

Взяв бокал с вином, Моника обошла кафе, выключая все светильники и расставляя по местам криво стоявшие стулья. Она вышла на улицу – ключи в одной руке, бокал в другой, – заперла дверь кафе и повернулась, чтобы отпереть дверь своей квартиры этажом выше.

И тут возникший неизвестно откуда здоровенный мальчик, тащивший на себе, как коляску от мотоцикла, какую-то блондинку, со всей силы налетел на Моника, и содержимое бокала выплеснулось ей в лицо и на блузку. Задохнувшись на миг, она почувствовала, как по ее носу стекают ручейки «Риохи» и вино капает с подбородка. Она ждала его смиренного извинения.

– Ох, твою мать! – ругнулся он.

Моника ощутила, как из ее груди поднимается жар, приливая к лицу и заставляя стиснуть зубы.

– Эй, это ты на меня налетел! – возмутилась она.

– Ну и что же ты делала посреди тротуара с бокалом вина? – прорычал он в ответ. – Нельзя, что ли, пить в баре, как все нормальные люди?

Его лицо с идеально правильными чертами могло показаться классически красивым, если бы его не искажала отвратительная, презрительная гримаса. Блондинка, глупо хихикая, тащила его прочь.

– Тупая сучка, – услышала Моника его слова, умышленно произнесенные достаточно громко.

Моника вошла к себе в квартиру. «Милая, ты дома», – как всегда, беззвучно сказала она непонятно кому, на миг решив, что сейчас заплачет. Поставив пустой бокал на сушилку в кухоньке, она посудным полотенцем стерла с лица вино. Ей отчаянно хотелось с кем-нибудь поговорить, но она не знала, кому позвонить. Подруги все были погружены в свою жизнь и не захотели бы, чтобы она испортила им вечер своими жалобами. Звонить отцу смысла не было, поскольку Бернадетт, ее мачеха, считавшая Моника неудобной предысторией жизни мужа, выполняла роль привратника и, без сомнения, заявила бы, что отец пишет и его нельзя беспокоить.

И тут Моника увидела лежавшую на кофейном столике бледно-зеленую тетрадь с надписью на обложке: «Правдивая история», оставленную несколько дней назад. Моника взяла тетрадь и открыла ее на первой странице. *Каждый лжет о своей жизни. Что произойдет, если вместо этого говорить правду? Единственное, что отличает вас, что позволяет поставить все на свои места?*

Почему бы и нет? – подумала она, ощутив в себе трепет безрассудства, что обычно было ей не свойственно. Понадобилось некоторое время, чтобы найти подходящую ручку. Немного непочтительным казалось после каллиграфического почерка Джулиана выводить каракули старой шариковой ручкой. Она открыла чистую страницу и принялась писать.

Хазард

Хазард задумался над тем, какую часть жизни он проводит, склонившись над туалетным бачком. Если все суммировать, то, вероятно, немало дней. Сколько потенциально смертельных бактерий он вдыхает вместе с порошком, образующим прерывистую дорожку из лучшего колумбийского кокса? И какая его часть – действительно кокаин, а не тальк, крысиный яд или слабительное? Все эти вопросы совсем скоро перестанут его занимать, ибо то была последняя дорожка из последнего грамма кокаина, который он когда-либо собирался купить.

Он пошарил в карманах в поисках банкноты, но потом вспомнил, что потратил единственную двадцатку на бутылку вина, которую успел выпить наполовину. В этом модном, дорогом винном баре за двадцатку можно было купить бутылку вина, по вкусу напоминающего денатурат. Но оно подействовало. Проверив все карманы, он вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги. Копия его заявления об увольнении. Что ж, вполне символично, подумал он, отрывая угол от листа и сворачивая его в трубочку.

Сильно втянув носом, Хазард почувствовал, как заднюю стенку гортани обожгло знакомым химическим вкусом, а через несколько минут испытываемое им опьянение сменилось если не эйфорией (те времена давно миновали), то, по крайней мере, удовольствием. Сняв свернутую в трубочку бумагу вместе с крошечным пластиковым пакетом, в котором находился порошок, он выбросил их в унитаз, глядя, как все это затягивается в глубины лондонской канализации.

Осторожно сняв тяжелую фарфоровую крышку туалетного бачка, Хазард прислонил ее к стене, затем достал из кармана свой айфон – очевидно, последней модели – и опустил его в воду, заполнявшую бачок. С довольным бульканьем телефон опустился на дно. Хазард заранее заменил крышку, и телефон остался один в темноте. Теперь он не сможет позвонить дилеру. Или любому человеку, знакомому с дилером. Единственным номером телефона, который он помнил, был номер его родителей, и только он был ему нужен, хотя в следующий раз, собравшись позвонить им, Хазард должен будет что-то сочинить.

Взглянув на себя в зеркало, Хазард смахнул с воспаленных ноздрей красноречивые следы белого порошка, потом уверенной поступью подошел к своему столу. Его позитивность отчасти была химической природы, но он также испытал нечто такое, чего давно не чувствовал, – гордость.

Он вопросительно посмотрел на стол. Что-то изменилось. Там по-прежнему стояла бутылка вина, но появился второй бокал, словно Хазард кого-то ожидал, а не пил в одиночестве. На месте лежал экземпляр «Ивнинг стандарт» с загнутыми уголками страниц, который он якобы читал. Но было еще что-то. Тетрадь. Когда он был начинающим брокером, у него была такая же, заполненная обрывками информации, тщательно отобранными из «Файненшиал таймс», и сведениями из достоверных источников, которые подбрасывали ему, как восторженному щенку лакомство, ветераны брокерского дела. Но на обложке этой тетради было написано: «Правдивая история». Это звучало как порция чепухи «ню-эйдж». Хазард огляделся по сторонам в поисках какой-нибудь утонченной персоны, которая могла оставить тетрадь, но его окружала обычная толпа выпивох, деловито стряхивавших с себя стресс рабочего дня.

Хазард передвинул тетрадь на край стола, чтобы владелец заметил ее, а сам занялся важным делом по уничтожению вина. Своей последней бутылки вина. Ибо кокаин и вино шли вместе, как рыба с жареным картофелем, яйца с беконом, экстази с сексом. Если он намерен отказаться от одного, то должен отказаться и от другого. Как и от работы, поскольку за несколько лет он избороздил рынки на химической волне и полагал, что не сможет и не захочет заниматься этим на трезвую голову.

Трезвость. Какое ужасное слово! Серьезное, здоровое, важное, положительное, стабильное – ничего похожего на самого Хазарда, который представлял собой случай именного детерминизма в действии. Хазард с силой прижал ладонью свое правое бедро, дергавшееся вверх-вниз под столом. До него дошло, что он к тому же скрипит зубами. С той ночи с Бланш он тридцать шесть часов толком не спал. Его мозг отчаянно требовал дополнительной стимуляции, борясь с изможденным телом, жаждущим забвения. Хазард осознавал, что совершенно измучен всем этим, измучен своей жизнью и постоянной каруселью стимуляторов и депрессантов, измучен постыдными отчаянными звонками дилеру, постоянным нюханием и усугубляющимися носовыми кровотечениями. Как могло получиться, что случайная дорожка кокаина на вечеринке, вызвавшая у него иллюзию полета, превратилась в нечто такое, без чего он не мог встать утром с кровати?

Поскольку никто, казалось, не интересуется забытой тетрадью, Хазард открыл ее. Страницу заполняли строчки, написанные убористым почерком. Он попробовал читать, но буквы плясали по странице. Прикрыв один глаз, Хазард посмотрел снова. Слова выстроились в более ровные строчки. Пролистав несколько страниц, он обнаружил два разных почерка: первый – изящный, каллиграфический, второй – попроще, с закругленными буквами, более заурядный. Хазард был заинтригован, но читать одним глазом казалось утомительным, да и вид у него был как у придурка, поэтому он закрыл тетрадь и сунул ее в карман пиджака.

Сутки спустя Хазард стал искать ручку в кармане пиджака и наткнулся на тетрадь. Он не сразу вспомнил, как она туда попала. В голове у него был туман. Голова раскалывалась от боли, и, несмотря на страшную усталость, уснуть он не мог. Он улегся в кровать, в этот ворох несвежих простыней и пухового одеяла, и, раскрыв тетрадь, принялся читать.

Насколько хорошо вы знаете живущих рядом с вами людей? Насколько хорошо они знают вас? Вы хотя бы знаете имена соседей? Вы поймете, если они окажутся в беде или по много дней не будут выходить из дому?

Хазард улыбнулся про себя. Он был кокаинистом. Его интересовала лишь собственная персона.

Что произойдет, если вместо этого говорить правду?

Ха! Вероятно, его арестуют. Наверняка уволят. Хотя сейчас поздновато его увольнять.

Хазард читал дальше. Ему, пожалуй, нравился Джулиан. Родись он на сорок лет раньше или Джулиан на сорок лет позже, они вполне могли бы стать друзьями – вместе предавались бы светским развлечениям, снимали девиц и вовсю куролесили. Но его совсем не привлекала мысль рассказывать свою историю. Он и самому себе рассказывать-то ее не хотел, а тем более кому-то еще. Правдивость была чем-то таким, без чего он вполне мог обойтись. Он годами прятался от этого. Хазард перевернул страницу. Кто же, интересно знать, подобрал тетрадь до него?

Меня зовут Моника, и я нашла эту тетрадь в своем кафе. Прочитав слова Джулиана о том, что он ощущает себя невидимкой, вы, вероятно, представите себе стереотип пенсионера, одетого в тусклую одежду с эластичными поясами и в ортопедической обуви. Что ж, должна вам сказать, что Джулиан не таков. Я видела, как он писал в этой тетради, перед тем как оставить ее, и его никак не назовешь невидимкой – пусть ему и за семьдесят. Он похож на Гэндальфа, но без бороды, и одевается как медвежонок Руперт: горчично-желтый пиджак с дымчатым оттенком и клетчатые штаны. Еще немного – и его стиль можно было

бы назвать вычурным. Найдите его автопортрет. Некоторое время он висел в Национальной портретной галерее.

Он потянулся за своим сотовым, чтобы загрузить портрет Джулиана, но вдруг вспомнил, что бросил телефон в сливной бачок туалета в местном винном баре. Почему он тогда решил, что это хорошая идея?

Боюсь, я гораздо менее интересна, чем Джулиан.

Хазард в этом не сомневался. По ее аккуратному, выверенному почерку он заключил, что она сущий кошмар. Но по крайней мере, она не относилась к тому типу женщин, которые рисуют внутри всех «О» улыбающиеся рожицы.

Вот моя правда – ужасающе предсказуемая и нудно биологическая: я в самом деле хочу ребенка. И мужа. Может быть, еще собаку и «вольво». По сути дела, все то, что подразумевает стереотипная нуклеарная семья.

Он отметил, что Моника использует двоеточие. Это выглядело немного нелепо. Он не думал, что люди еще пишут грамотно. Они вообще почти не пишут. Если только эсэмэски и эмоджи.

О господи, на бумаге это выглядит ужасно! Вообще-то, я феминистка. Я полностью отвергаю представление о том, что мне нужен мужчина, который дополняет, поддерживают меня или даже делает все в доме своими руками. Я деловая женщина и, между нами, немного перестраховщица, люблю все держать под контролем. Возможно, я стала бы ужасной матерью. Но как бы я ни пыталась подходить к этому вопросу рационально, я все равно ощущаю внутри постоянно растущий вакуум, который однажды полностью поглотит меня.

Хазард прервал чтение, чтобы проглотить еще две таблетки парацетамола. Он засомневался, что сможет сейчас вынести всю эту гормональную тревогу. Одна из таблеток застряла в глотке, и он начал давиться. Рядом с собой на подушке он заметил длинный белокурый волос – напоминание о другой жизни. Он сбросил его на пол.

Я служила юрисконсультантом в крупной престижной фирме в Сити. Мне платили скромное жалованье в обмен на улучшение индекса гендерного неравенства и превращение моей жизни в оплачиваемые часы. Я использовала для работы каждую минуту, включая и часть выходных. Если у меня появлялось свободное время, я шла в спортзал, чтобы снять стресс. Моя светская жизнь вращалась только вокруг корпоративов и развлечения клиентов. У меня было ощущение, что я по-прежнему общаюсь со школьными и университетскими друзьями, потому что я следила по Facebook за их обновленным статусом, но фактически годами не встречалась с ними в жизни.

Моя жизнь так и продолжалась бы в трудах, когда я делала то, чего от меня ждали, достигая повышений по службе и получая бессмысленные хорошие отзывы, если бы не слова, сказанные моей мамой, и если бы не девушка по имени Таня.

Я никогда не встречалась с Таней, по крайней мере, так мне казалось, но ее жизнь была во многом похожа на мою: очередной способный юрисконсульт из Сити, но на десять лет старше меня. Однажды в воскресенье она, по обыкновению, пошла в офис. Там был ее босс. Он сказал ей, что она не обязана быть на службе каждые выходные, что у нее должна быть жизнь вне работы. Он сказал это из лучших побуждений, но от его слов в Тане что-то замкну-

лось, она осознала тщету всего. Придя в следующее воскресенье в офис, она поднялась на лифте на верхний этаж и бросилась с крыши. В газетах напечатали ее фотографию со дня выпуска, на ней она стоит рядом с гордыми родителями, и глаза ее полны надежды и ожиданий.

Я не хотела становиться Таней, но понимала, куда меня ведет жизнь. Мне было тридцать пять лет, я была незамужней, и жизнь моя состояла только из работы. Так что, когда умерла моя двоюродная бабушка Летиция, оставив мне небольшое наследство, я добавила его к изрядной сумме денег, которую мне удалось скопить за несколько лет, и совершила первый и единственный необычный поступок в жизни: я уволилась. Я арендовала бесхозную кондитерскую на Фулхэм-роуд, превратила ее в кафе и назвала «У Моники».

Кафе «У Моники». Хазард его знал. Оно было как раз напротив бара, где он нашел тетрадь. Сам он там никогда не бывал. Предпочитал более анонимные кафешки, в которых часто менявшиеся бариста едва ли замечали, как он вваливается в зал нетвердой походкой или что ему приходится развернуть банкноту, прежде чем вручить ее баристе. «У Моники» всегда было жутко уютно. Здоровая пища. Сплошь экологически чистые продукты и любимые бабушкины рецепты. В подобных местах Хазард чувствовал себя немного неопрятным. Название тоже отпугивало. «У Моники». Такое имя могло быть у учительницы. Или гадалки. Даже у хозяйки борделя. *Мадам Моника*, эротический массаж. Неподходящее название для кафе. Он продолжил читать.

Быть боссом для себя самой, а не просто именем в списке сложной организационной иерархии по-прежнему приводит меня в волнение (как и накопление опыта – скажем так, что Бенджи не первый мой бариста). Однако я испытываю чувство огромной пустоты. Знаю, что это звучит старомодно, но мне действительно нужна сказка. Мне нужен прекрасный принц, с которым я счастливо проживу всю жизнь.

Я пользовалась Tinder. У меня было бесчисленное число свиданий. Я стараюсь не быть чересчур привередливой, не обращать внимания на то, что он не читал Диккенса, что у него грязные ногти и разговаривает он с набитым ртом. У меня было несколько романов, и один или два из них, как я надеялась, могли чем-то закончиться. Но в конечном итоге я слышала все те же старые отговорки: «Дело не в тебе, а во мне. Я не готов остепениться»... Бла-бла-бла. Потом, полгода спустя, я читаю в Facebook, что его статус обновлен и он помолвлен, и знаю, что дело было именно во мне, но не понимаю почему.

Хазард осмелился высказать догадку.

Всю жизнь я строю планы. У меня все под контролем. Я составляю списки дел, ставлю перед собой цели и вехи, воплощаю планы в жизнь. Но мне тридцать семь, и время уходит.

Тридцать семь. Затуманенным сознанием Хазард пытался осмыслить эту цифру. Несмотря на то что ему самому было тридцать восемь, он определенно свайпнул бы влево. Он вспомнил, как объяснял приятелю из банка, что, покупая фрукты в супермаркете (не то чтобы он когда-нибудь покупал фрукты или ходил в супермаркет), не выбираешь подгнившие персики. По опыту он знал, что более взрослые женщины доставляют больше хлопот. У них есть надежды. Планы. Ты понимаешь, что через несколько недель у вас будет разговор. Вам придется обсудить, в каком направлении двигаются ваши отношения, как будто вы едете по Пикадилли на автобусе № 22. Он поехал.

Когда подруга постит в Facebook УЗИ своего ребенка, я лайкаю, а потом по телефону изливаю ей свой восторг, но, честно говоря, мне хочется завывать и сказать: «Ну почему не я?» Потом мне приходится идти в галантерейный отдел универмага «Питер Джонс», поскольку невозможно испытывать стресс в галантерее в окружении мотков пряжи, вязальных крючков и пуговиц, верно?

Пряжа? Разве есть такое слово? И галантерея? Эти слова еще существуют? Наверняка люди покупают готовую одежду в Primark. И до чего странный способ снимать стресс. Гораздо менее эффективный, чем двойная водка. Господи, почему он опять вспомнил о водке?

Мои биологические часы тикают так громко, что не дают уснуть ночью. Я лежу, проклиная гормоны, превращающие меня в клише.

Вот так-то. Я выполнила просьбу Джулиана. Надеюсь, что потом об этом не пожалею.

Что до Джулиана, то у меня есть план.

Разумеется, у нее есть план, подумал Хазард. Он знал девиц ее типа. План, вероятно, разделен на пункты, каждый с ключевым показателем эффективности. Она напомнила ему его бывшую, которая одним памятным вечером выдала ему программу подготовки презентации на тему их отношений: сильные и слабые стороны, перспективы и угрозы. Он довольно быстро с ней закрутился.

Я точно знаю, как вновь вытащить его на публику. Я составила объявление с приглашением для местных художников проводить в кафе еженедельные вечерние мастер-классы. Я повесила объявление на окне, и мне остается лишь подождать, пока он не откликнется. И я намерена оставить эту тетрадь на столе в винном баре через дорогу. Если вы – тот человек, который найдет ее, то последующие события в надежной паре ваших рук.

Хазард опустил глаза на свои руки – полную противоположность «надежной паре рук». Они продолжали дрожать после его последнего большого кутежа, закончившегося сутки назад, в тот день, когда он нашел эту самую тетрадь. Твою мать! Почему он? Не говоря об остальном, завтра он уезжает из страны. По пути к метро он пройдет мимо кафе Моника. Можно будет заскочить к ней выпить кофе и отдать тетрадь, чтобы та передала ее кому-нибудь более подходящему.

Закрывая тетрадь, Хазард заметил на следующей странице кое-что еще.

P. S. Для защиты я покрыла тетрадь самоклеящейся пленкой, но прошу вас во всяком случае не оставлять ее под дождем.

К собственному удивлению, Хазард поймал себя на том, что улыбается.

Джулиан

Входя к себе, Джулиан содрал записку с входной двери. Он даже не остановился прочесть ее. Он знал, что там написано, и, кроме того, записка была составлена заглавными буквами, что казалось ему немного грубым и кричащим, не заслуживающим внимания.

Джулиан налил себе чашку чая, уселся в кресло, развязал шнурки, скинул ботинки и положил ноги на потертую тахту, покрытую гобеленом. Потом взял последний номер глянцевого журнала «Харперс базар», который понемногу просматривал, чтобы хватило до конца недели. Он начал уже входить во вкус, когда его грубо прервал стук в окно. Чтобы его голову не увидели сзади, Джулиан пониже опустил в кресле. За последние пятнадцать лет он поднаторел в игнорировании посетителей. То, что почти все это время его окна не мылись, было ему на руку. Мутные стекла являли собой счастливое нечаянное следствие его неряшливости.

Пытаясь привлечь его внимание, соседи Джулиана становились все более навязчивыми. Он со вздохом отложил журнал и взял в руки оставленную ему записку. Потом прочел ее, поморщившись при виде восклицательного знака после своего имени.

**МИСТЕР ДЖЕССОП!
НАМ НАДО ПОГОВОРИТЬ!
МЫ (ВАШИ СОСЕДИ) ХОТИМ ПРИНЯТЬ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ СВОБОДНОГО СОБСТВЕННИКА.
НАМ НУЖНО ВАШЕ ОДОБРЕНИЕ,
БЕЗ КОТОРОГО МЫ НЕ МОЖЕМ ДЕЙСТВОВАТЬ.
ПОЖАЛУЙСТА, КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ
СВЯЖИТЕСЬ С ПАТРИСИЕЙ АРБАКЛ, № 4!**

Свой коттедж Джулиан приобрел в 1961-м, когда ему оставалось еще шестьдесят семь лет аренды. В его двадцать с небольшим лет это представлялось вечностью и не вызывало ни малейшего беспокойства. Теперь по договору оставалось лишь десять лет, и собственник отказывался продлевать аренду, поскольку намеревался использовать землю, на которой стояли коттеджи, для строительства корпоративного развлекательного комплекса, что бы это ни значило, для стадиона «Стэмфорд-Бридж». Стадион расширялся и модернизировался вокруг Джулиана за те годы, пока художник жил в его тени, а сам Джулиан постепенно съеживался и становился старомодным. Теперь стадион готов был взорваться, как чудовищный карбункул, сметая их всех потоками гноя.

Джулиан понимал, что логично было бы сказать «да». Если они позволят истечь сроку договора аренды, их собственность обесценится. В данный момент собственник был готов выкупить их всех по цене, близкой к рыночной. Но он не был заинтересован в том, чтобы выкупать всех соседей Джулиана, коль скоро маленький коттедж Джулиана торчит посередине предполагаемой строительной площадки.

Понимал Джулиан и то, что соседей все больше пугает перспектива потерять свои сбережения, зависевшие, как для большинства лондонцев, от кирпичей и строительного раствора, однако как бы он ни пытался, но просто не мог представить себе, что живет в другом месте. Разве он просит многого – чтобы ему позволили дожить последние годы в доме, где он провел большую часть жизни? Десяти лет вполне хватит. И какой толк от денег, предлагаемых ему собственником? У него вполне приличный доход от инвестиций, особой расточительностью он никогда не отличался и уже порядочно лет не видел немногих оставшихся у него родственников. Его не волновало, что их наследство может испариться в ворохе юридических документов.

Тем не менее он понимал, что отказываться от предложения эгоистично. На протяжении многих лет Джулиан проявлял неопиcуемый эгоизм и уже начал расплачиваться за такое поведение. Теперь ему хотелось верить, что он стал другим – раскаивающимся, даже смиренным. Поэтому он не говорил «нет». Но сказать «да» он тоже не мог. Вместо этого он, фигурально выражаясь, затыкал уши, игнорируя проблему, хотя знал, что она никуда не делась.

Минут пять отчаянно колотя в дверь и воскликнув под конец: «Я знаю, что вы там, старик», сосед Джулиана в конечном итоге сдался. Старик? Ну, право.

Коттедж Джулиана был больше чем просто дом, и больше чем финансовая инвестиция. Он был всем. Всем, что он имел. Дом вмещал в себя все воспоминания прошлого и единственно возможный для Джулиана образ будущего. Каждый раз, глядя на входную дверь, он представлял себе, как с бьющимся сердцем переносит свою невесту через порог, уверенный в том, что эта женщина – все, что ему нужно в жизни. Стоя у каминной решетки, он видел, как Мэри в переднике с завязанными в пучок волосами помешивает ложкой в огромной кастрюле свое знаменитое блюдо – говядину по-бургундски. Когда он садился у камина, Мэри опускалась на ковер перед ним и, подтянув колени к груди, занавесившись волосами, читала очередной роман, взятый из местной библиотеки.

Были и тревожные воспоминания. Мэри, тихо роняя слезы, сжимает в руке любовное письмо от одной из его натурщиц, которое она нашла приколотым к мольберту. Мэри стоит на верху винтовой лестницы в их спальню, швыряя ему в голову туфли на шпильке, оставленные другой женщиной. Часто, глядя в зеркало, он видел перед собой Мэри, взирающую на него с печалью и горечью.

Джулиан не пытался уклониться от плохих воспоминаний. Скорее наоборот, он подстегивал их. Они были его искуплением. И как это ни странно, он находил их утешительными. По крайней мере, они доказывали, что он еще способен что-то чувствовать. Причиненная ими боль приносила ему мимолетное облегчение, как это бывало, когда он проводил по коже своим рабочим скальпелем, наблюдая за появлением кровавого следа. Но он делал это лишь в самые скверные дни. Не говоря о прочих вещах, теперь его кожа заживает гораздо медленней.

Он оглядел стены своего дома, едва ли не каждый дюйм которых покрывали картины в рамках и наброски. Каждая рассказывала свою историю. Он забывал о времени, часами рассматривая их, и мысленно возвращался к разговорам с художниками за графином вина, когда они обменивались друг с другом вдохновением и мнениями. Он мог припомнить, как пришла сюда каждая из картин: подарок на день рождения, благодарность за неиссякаемое гостеприимство Мэри или приобретенная после закрытого показа картина, особенно восхитившая его. Имело значение даже их расположение на стене. Иные в хронологическом порядке, а другие были развешаны по темам: красивые женщины, лондонские достопримечательности, необычные ракурсы или специфическое использование света и тени. Разве мог он куда-то их переместить? Где еще могли бы висеть эти картины?

Было почти пять часов вечера. Джулиан достал бутылку «Бейлиса» и отлил немного в серебряную фляжку. После чего влез в пальто и, убедившись, что разгневанных соседей поблизости не видно, отправился на кладбище.

Еще издали Джулиан заметил, что с могилой Адмирала что-то не так, и, подойдя ближе, разглядел очередное письмо – черные строчки на белой бумаге. Неужели соседи *повсюду* оставляют для него записки? Ходят они за ним следом, что ли? Он почувствовал, как в нем нарастает раздражение. Это уже похоже на преследование.

Подойдя ближе, он понял, что это вовсе не послание от соседей, а рекламное объявление. Он видел его раньше, этим утром. Тогда он не придавал этому значения, но теперь стало ясно, что объявление составлено специально для него.

Моника

К субботе Моника почти разуверилась в своем блестящем плане. Уже несколько дней объявление висело на окне кафе, а Джулиан так и не показывался. Между тем ей пришлось вежливо отказать целой куче претендентов на роль учителя рисования, прикрываясь совершенно нелепыми отговорками. Кто же знал, что так много местных художников ищут работу? К тому же она, как бывший юрист, мучительно сознавала, что нарушает трудовое законодательство, хотя какая-то ее часть испытывала удовольствие оттого, что впервые в жизни она поступает не совсем по правилам.

Другая проблема состояла в том, что всякий раз, как в кафе входил новый посетитель, Моника задавалась вопросом, а не этот ли человек нашел тетрадь, оставленную ею на пустом столе в винном баре, и прочитал постыдные и бессвязные излияния отчаявшейся старой девы. Уф! О чем она только думала? Вот если бы стереть эти страницы, как неудачный пост в Facebook. С откровенностью она явно перестаралась.

К стойке подошла женщина с крошечным ребенком на руках, не старше трех месяцев. На ней было прелестное старомодное платье с оборками и кардиган. Младенец уставился на Моника большими голубыми глазами, будто совсем недавно научился фокусировать взгляд. Моника почувствовала, как у нее сводит живот. Она молча произнесла свою мантру: «Я сильная, независимая женщина. Ты мне не нужен...» Слово прочитав ее мысли, ребенок пронзительно закричал, его лицо покраснело и сморщилось, став похожим на злобного эмоджи. «Спасибо тебе», – мысленно обратилась Моника к младенцу и отвернулась, чтобы приготовить чай с мятой. Когда она подавала женщине кружку, открылась дверь и вошел Джулиан.

В последний раз, когда она его видела, он напоминал эксцентричного джентльмена времен Эдуардов. Моника предположила, что весь его гардероб вдохновлен той эпохой. Оказалось, что нет, поскольку сегодня он был одет в стиле «новой романтики» примерно середины 1980-х. На нем были черные брюки-дудочки, короткие сапоги из замши и белая рубашка с *оборками*. Куча оборок. Такой образ обычно завершается щедрой подводкой для глаз. Моника с облегчением заметила, что Джулиан не зашел так далеко.

Он уселся за тот же столик в Библиотеке, который занимал в прошлый раз. Моника, немного волнуясь, подошла принять заказ. Видел ли он ее объявление? Поэтому он и пришел сюда? Она скользнула взглядом по окну, куда поместила объявление. Его там не было. Она взглянула еще раз, словно оно могло волшебным образом появиться вновь, но нет – остались лишь несколько липких обрывков бумаги, прикрепленных скотчем. Она отметила про себя, что надо будет отмыть эту грязь уксусом.

Ладно, хватит об этом плане. Раздражение быстро уступило место облегчению. Так или иначе, а идея была глупой. Теперь, когда оказалось, что он всего лишь заглянул выпить кофе, Моника подошла к Джулиану чуть более уверенно.

– Что желаете? – бодрым тоном спросила она.

– Мне, пожалуйста, крепкий черный кофе, – ответил он, разворачивая лист бумаги, который держал в руках, разгладил заломы и положил на столик перед собой.

Это было ее объявление. Но не оригинал, а фотокопия. Моника почувствовала, что заливается краской.

– Я правильно думаю, что это предназначено для меня? – спросил Джулиан.

– А что, разве вы не художник? – промямлила она, как участник передачи «Время вопросов», который бьется над правильным ответом, не зная, сказать правду или напустить туману.

Он ненадолго поймал ее взгляд – змея, гипнотизирующая полевку.

– Да, художник, – ответил он, – и полагаю, именно поэтому ваше объявление было вывешено на стене «Челси стьюдиос», где я живу. И не одно, а целых три. – Он три раза вырази-

тельно стукнул по бумаге, лежащей на столе. – Возможно, это совпадение, но вчера в обычное время я пошел навестить Адмирала на Бромптонском кладбище и там, на его могильной плите, обнаружил еще одно ваше объявление. Из этого я заключил, что вы, вероятно, нашли мою тетрадь. Кстати, не уверен, что вы использовали нужный шрифт. Я придерживался Times New Roman. Думаю, вряд ли вы с ним ошибетесь.

К этому моменту Моника, стоявшая у стола Джулиана, почувствовала себя провинившейся школьницей, которую отчитывает директор. Или, скорее, она представила себе, как это могло быть, потому что сама не бывала в подобной ситуации.

– Можно? – спросила она, кивнув на стул напротив Джулиана.

Он чуть заметно наклонил голову. Усевшись, Моника воспользовалась моментом, чтобы собраться с духом. Пусть не пытается ее запугать. Она представила себе свою мать.

«Если нервничаешь, Моника, вообрази себя Боудиккой, королевой кельтов! Или Елизаветой Первой, или Мадонной!» – «Матерью Иисуса?» – спросит, бывало, она. «Нет, глупышка! Она чересчур кроткая и смиренная. Я имела в виду поп-звезду». Мама тогда расхохоталась так громко, что в стену стали стучать соседи.

Итак, настроившись на Мадонну, Моника обратила на сидевшего напротив довольно импозантного и чуть рассерженного мужчину твердый взгляд:

– Вы правы, я действительно нашла вашу тетрадь, и объявление было написано для вас, но я не наклеивала его на стену вашего дома или на могилу Адмирала. – (Джулиан скептически приподнял бровь.) – Я сделала один экземпляр и разместила его в окне. – Она кивнула на пустое место, недавно занимаемое постером. – Это фотокопия. Я ее не делала. Интересно, кто же это?

Этот вопрос занимал Моника. Зачем кому-то понадобилось красть ее постер?

– Ну, раз это не вы, это должен быть кто-то, прочитавший мою историю, – сказал Джулиан, – а иначе как он узнал бы, где я живу? Или про Адмирала? Явно не может быть совпадением, что единственная могильная плита, щеголяющая вашим постером, – это та самая, которую я навещаю уже сорок лет?

Моника смутилась еще больше, осознав, что человек, прочитавший историю Джулиана, прочел также и ее историю. Она постаралась выкинуть эту мысль из головы как слишком нервозную на данный момент. Моника, без сомнения, вернется к ней позже.

– Так вас это интересует? – спросила она Джулиана. – Вы согласны вести в моем кафе вечерний мастер-класс по живописи?

Ее вопрос надолго повис в воздухе, и Моника подумала, что надо его повторить. Но тут лицо Джулиана сморщилось, как гармоника, и он улыбнулся.

– Ну, поскольку вы и, похоже, кто-то еще пошли на большие хлопоты, было бы невежливо не согласиться, так ведь? Кстати, я Джулиан, – протягивая Монике руку, сказал он.

– Я знаю, – пожимая руку, ответила она. – А я Моника.

– С удовольствием поработаю с вами, Моника. У меня предчувствие, что мы с вами можем стать друзьями.

Моника пошла приготовить ему кофе, чувствуя себя так, будто ей только что присвоили десять очков за Гриффиндор.

Хазард

Хазард всматривался в изогнутый полумесяцем пляж, окаймленный пальмами. Лазурное Южно-Китайское море, безоблачное небо. Если бы он увидел такое в Instagram, то подумал бы, что это фотошоп с фильтром. Однако после проведенных здесь трех недель все это *совершенство* начинало действовать ему на нервы. Он поймал себя на том, что во время утренней прогулки по пляжу, пока песок не нагрелся так, что по нему невозможно идти босиком, мечтает увидеть на белом рассыпчатом песке собачье дерьмо. Что угодно, способное нарушить эту монотонную красоту. Хазард часто порывался позвать на помощь, но понимал, что этот пляж сродни глубокому космосу – никто не услышит твой вопль.

Пять лет назад Хазард побывал на этом острове. Тогда он останавливался на Ко-Самуе с друзьями, и они на пару дней уплывали куда-нибудь на катере. Он тяготился этой жизнью без удобств, стремясь поскорее вернуться к барам, клубам и вечеринкам «полнолуния» на Самуе, не говоря уже о надежном электричестве, горячей воде и Wi-Fi. Проступая сквозь бесчисленные омерзительные «обратные кадры» случайных связей, писание неуместных эсэмэсок под мухой и встреч в темных переулках с изворотливыми дельцами, – сквозили воспоминания об этом месте как об оазисе покоя в унылой пустыне его недавней истории. Поэтому когда Хазард в конце концов принял решение изменить свое поведение и разобраться со своей жизнью, то забронировал сюда билет в один конец. Действительно, этот остров находился очень далеко от всего того, что могло навлечь на него неприятности, и, вследствие дешевизны, ему хватило бы последней премии из Сити на жизнь здесь в течение нескольких месяцев, если возникнет в том необходимость.

На одном краю маленького пляжа стояло кафе «Удачливая мама», а на другом – бар под названием «Земляной орех» (по названию их единственного снека). Между ними, как жемчужины на нитку (но без блеска), были нанизаны двадцать пять бунгалов, построенные среди пальм и обращенные к морю. № 8 принадлежал Хазарду. Это было незатейливое деревянное строение, немногим больше садового сарая на участке его отца.

Там была спальня с двуспальной кроватью, занимающей почти все пространство и занавешенной огромной москитной сеткой, которая изобиловала дырками, удобными для проникновения целых полчищ изголодавшихся насекомых. Как спасательная капсула корабля-носителя, с одного бока приткнулась маленькая ванная с туалетом и душем с холодной водой. Окна размером чуть больше люка были тоже затянуты москитной сеткой. Единственными предметами мебели, помимо кровати, были: прикроватный столик, сделанный из старого ящика из-под пива «Тигр», одинокая книжная полка с разношерстной эклектичной коллекцией книг, завещанных Хазарду уезжающими туристами, и несколько крючков, на которые он вешал свои саронги, купленные в городке. Интересно, что бы подумали его старые приятели, увидев, как он весь день разгуливает в *юбке*.

Хазард тихо раскачивался в гамаке, подвешенном между двумя стойками по обеим сторонам деревянного помоста, идущего вдоль бунгало, и смотрел, как к берегу причалила небольшая моторная лодка с туристами. По мере того как солнце опускалось за горизонт, небо окрашивалось в невероятные оттенки красного и оранжевого. Хазард знал, что через несколько минут стемнеет. В этих краях вблизи экватора солнце скрывалось поспешно. Никаких продолжительных, эффектных и дразнящих прощаний, к которым он привык дома. Это было больше похоже на тот момент, когда выключают свет в спальне пансиона.

Он услышал, как врубился генератор «Удачливой мамы», и уловил еле заметный запах бензина, а также обрывки разговора Энди и Барбары (как полагал Хазард, измененные на западный манер их тайские имена), занятых приготовлением вечерней трапезы.

Уже двадцать три дня Хазард не прикасался к спиртному или наркоте. Он был в этом уверен, поскольку делал зарубки на деревянной раме кровати, словно он не турист, находящийся в одном из красивейших уголков земли, а заключенный Алякатраса. В то утро он насчитал четыре группы по пять зарубок и еще три. Это были долгие дни, перемежавшиеся волнами головной боли, потливости и дрожи, и ночи с невероятно яркими сновидениями, в которых он переживал самые дикие свои желания. Только прошлой ночью ему приснилось, что он вдыхает дорожку кокаина с упругого, загорелого живота Барбары. За завтраком он не осмеливался взглянуть на нее.

Тем не менее Хазарду становилось лучше, по крайней мере физически. Туман в голове и усталость понемногу отступали, но на смену им пришла буря *эмоций*. Это досадное чувство вины и сожаления, эти страх, скука и ужас, которые он всегда прогонял стопкой водки или дорожкой кокаина. Его преследовали воспоминания о секретах, выболтанных ради хорошего анекдота, о подружках, преданных ради перепахона в туалетной кабинке ночного клуба, о провальных сделках, заключенных на волне химического ощущения неуязвимости. И странно, что в процессе этого жуткого самоанализа он часто ловил себя на мыслях об историях из той зеленой тетради. Ему представлялось, как Мэри пытается игнорировать натурщиц Джулиана, как Джулиан посреди ночи кромсает свои полотна, как Таня лежит распластавшись на тротуаре, а Моника приносит клиентам кексы, мечтая о любви.

Перед поездкой Хазард зашел в кафе Моника, чтобы вернуть тетрадь, и, к своему ужасу, обнаружил, что Моника – та самая женщина, с которой он столкнулся в тот вечер, накануне увольнения со службы, когда решил покончить со своей прежней жизнью. Он быстро ушел, пока она его не заметила. Итак, тетрадь по-прежнему оставалась у него, и чем дольше, тем сильнее ее тайны застревали у него в мозгу, и от них было не избавиться. Ему интересно было узнать, удалось ли Монике уговорить Джулиана проводить у нее мастер-классы по живописи и какой парень может сделать ее счастливой.

В семь часов вечера по берегу разносился звон колокольчика. Время ужина. «Удачливая мама» предлагала лишь одно вечернее блюдо. Это было единственное кафе в пешей доступности, так что выбирать не приходилось. После многих лет, когда надо было выбирать из бесчисленных вариантов, принимать решение на каждом подуровне – чай или кофе? капучино, американо, латте? обычное молоко, обезжиренное или соевое? – Хазард находил отсутствие опций удивительно приятным.

В кафе, открытом с одной стороны, с деревянным полом и соломенной крышей, стоял один большой стол, занимавший всю его длину. Вокруг него были расставлены несколько столов поменьше, но новые посетители довольно быстро усваивали, что принято присоединяться к группе за общим столом, если только вам не хотелось ловить на себе подозрительные взгляды прочих туристов: а может быть, вам есть что скрывать?

Пока Хазард смотрел на туристов, шедших к «Удачливой маме», у него возникла идея. Многие из тех, кого он здесь встречал, были из Лондона или планировали его посетить. Он мог бы разузнать о каждом из них и подыскать для Моника бойфренда. В конце концов, он порядочно о ней знает. Больше, чем когда-либо удосуживался узнать о своих подружках. Он мог бы стать для нее своего рода доброй феей, тайной свахой. Это было бы забавно. Или, по крайней мере, было бы чем заняться.

Хазард уселся и, испытывая прилив энергии из-за своей новой миссии, стал исподтишка разглядывать других гостей. Насколько он мог судить, он занимал где-то четвертое место по длительности пребывания на острове. Большинство туристов останавливались здесь дней на пять или около того.

Нил, сосед Хазарда, живший в бунгало № 9, находился здесь дольше всех. Почти год. Когда-то он придумал нечто вроде приложения, которое продал крупной технологической компании, и с тех пор занимается тем, что потворствует своему внутреннему хиппи. Он пытался

научить Хазарда медитации, вероятно уловив его внутреннее смятение, но Хазарду никак не удавалось отрешиться от мыслей о ступнях Нила, покрытых пожелтевшей, омертвевшей кожей, и о толстых, ороговевших, как копыта, ногтях. Этот факт выводил Нила из новой игры Хазарда. Какой бы безнадежной ни была Моника, эти ноги не прокатят. Моника сразу поразила Хазарда своей приверженностью личной гигиене.

Относительно долго находились здесь также Рита и Дафни: обе на пенсии, одна – вдова, другая – никогда не была замужем, обе – ярые сторонницы хороших манер. Хазард наблюдал, с каким возмущением смотрит Рита на одного из гостей, бесцеремонно потянувшегося через нее за кувшином с водой. У каждой было отдельное бунгало. Дафни, по идее, жила в № 7, но Хазард, ставший ранней пташкой, частенько видел ее входящей в свое бунгало по утрам, а не выходящей из него, и это заставило его заподозрить дам в сафической интрижке на склоне лет. А почему бы и нет, черт возьми?!

Энди торжественно поставил на стол перед Хазардом блюдо с большой запеченной рыбой, которой хватило бы на три-четыре человека.

Опытный взгляд Хазарда скользил вдоль длинного стола, отбрасывая все парочки, находившиеся на разных стадиях пресыщения любовью, и мужчин моложе тридцати лет. Даже если кто-то из них имеет достаточно широкие взгляды, чтобы связаться с женщиной старше себя, вряд ли он будет готов к этой теме с деторождением, настоящему «пунктику» Моника.

Взгляд Хазарда на миг задержался на двух девушках из Калифорнии. Не старше двадцати пяти, предположил он. Невинные, свежие, с сияющей персиковой кожей. Замутить, что ли, с одной из них, вяло подумал Хазард. Может, и с обеими. Но пожалуй, он был не готов на подвиги, когда его не подстегивала фальшивая уверенность от спиртного или дорожки кокса.

Хазард вдруг подумал, что не занимался сексом с той ночи с Бланш. По сути дела, у него не было *трезвого* секса с... Он отматывал память дальше и дальше назад, пока не уперся в слово «никогда». Эта мысль ужасала. Как вообще возможно заниматься столь интимными и откровенными вещами? Наверняка без оглушающего действия наркотиков все эти толчки, шлепки, стоны, а подчас даже выпускание газов вызывали бы глубокий стыд? Может быть, он никогда больше не будет заниматься сексом. Эта мысль, как ни странно, ужасала меньше, чем мысль о том, что он никогда больше не возьмет в рот спиртного и не прикоснется к наркоте, а эту последнюю мысль он обдумывал уже несколько недель.

Он повернулся к шведу, сидящему слева, и протянул ему руку. Тот казался подходящей кандидатурой.

– Привет, ты, наверное, здесь новенький. Я Хазард.

– Гюнтер, – ответил тот с улыбкой, демонстрирующей впечатляющую скандинавскую стоматологию.

– Откуда ты и куда направляешься? – Хазард применил первый ход, обычный для острова, – что-то вроде разговора о погоде у себя дома. Здесь не было смысла обсуждать погоду, поскольку она оставалась неизменной.

– Я из Стокгольма, на пути в Бангкок, Гонконг, а затем в Лондон. А ты?

При упоминании Лондона Хазард мысленно похвалил себя: «Дай пять!» Это могло сработать.

– Я из Лондона, приехал сюда на несколько недель, пока не найду новую работу, – ответил он.

Расправляясь с рыбой, Хазард на автопилоте болтал с Гюнтером. Ему было сложно сконцентрироваться на разговоре, поскольку его завораживало ледяное пиво Гюнтера, которое тот пил из запотевшей стеклянной бутылки. Хазард опасался, что если не переключит свое внимание, то вырвет бутылку из руки шведа и осушит ее.

– Играешь в нарды? – спросил он, как только они покончили с ужином.

– Конечно, – ответил Гюнтер.

Хазард подошел к одному из столов в углу, на котором с одной стороны лежала шахматная доска, а с другой – доска для нардов.

– Так чем ты занимаешься дома, Гюнтер? – поинтересовался Хазард, пока они расставляли нарды.

– Я учитель, – ответил тот. – А ты?

Это, подумал Хазард, чрезвычайно хорошая новость. Шведу несложно найти другую работу, он умеет обращаться с детьми. Глядя на большие руки Гюнтера с ухоженными ногтями, Хазард сделал вывод о его аккуратности и чистоплотности.

– Я был банковским служащим. Биржевым маклером. Но, вернувшись домой, займусь поисками новой работы.

Гюнтер бросил шесть и один. Хазард подождал, пока тот сделает классический блокирующий ход. Он пропустил. Что за любитель. Для Хазарда это означало красную линию. Он быстро напомнил себе, что не ищет в Гюнтере партнера для игры на всю жизнь и что, вероятно, Моника не слишком привередлива в отношении умения играть в нарды.

– Наверное, у тебя осталась дома жена? – переходя к делу, спросил Хазард.

Он не заметил у шведа обручального кольца, но всегда разумнее проверить еще раз.

– Не жена. Подружка. Но как это у вас говорят? То, что происходит в поездке, останется между нами, верно?

И он заговорщицки кивнул в сторону двух девушек из Калифорнии.

Настроение Хазарда сдулось, как лопнувший воздушный шарик. Возможно, к месту сказанная фраза, но жутко свободные нравы. Испытывая к Гюнтеру покровительственное отеческое чувство и удивляясь сам себе, Хазард пришел к выводу, что шведу ничего не светит. Моника заслуживала лучшего. Ему захотелось поскорее очистить доску от всех шашек Гюнтера и пойти спать.

Когда Хазард вернулся к себе, сжимая в руке масляный фонарь «молния», поскольку генератор на ночь выключали, то обнаружил, что совершенно не устал. Тем не менее ему не хотелось присоединиться к толпе в «Земляном орехе». Мысль о том, что ему придется смотреть, как другие пьют спиртное, пока он потягивает диетическую колу, была невыносима. Он взглянул на книги, стоявшие на полке. Он прочитал их все по меньшей мере один раз, за исключением Барбары Картленд, которую дала ему Дафни. Вчера он попытался одолеть первую главу, но глаза стали закрываться на второй странице. Потом Хазард заметил высовывающуюся из ряда книг тетрадь Джулиана, как будто она умоляла достать ее. Хазард так и сделал, взял ручку, открыл первую чистую страницу и принялся писать.

Джулиан

Джулиан проснулся с ощущением какой-то перемены. Он не сразу понял, в чем дело. Последнее время ему казалось, что его рассудок и тело работают на разных скоростях. Утром сначала просыпалось тело, а рассудку требовалось еще какое-то время, чтобы догнать тело, осознать, где он находится и что вообще происходит. Это было странно, поскольку он всегда находился в одном и том же месте и никогда ничего не происходило. Потом наступал краткий момент пересечения, синхронности, после чего – в оставшуюся часть дня – его тело тащилось в нескольких шагах позади рассудка, стараясь идти в ногу.

Размышляя, Джулиан рассматривал зеленые линии на стене рядом с кроватью – разные оттенки зеленого, – как травинки, пятнистые от солнечного света. Их в свое время нарисовала Мэри, намереваясь сделать косметический ремонт их с Джулианом спальни. В конце концов ни один из цветов не был выбран, и комната осталась с теми же стенами грязновато-кремового оттенка. Возможно, Мэри уже тогда поняла, что в этом нет смысла.

Наконец Джулиан понял, что же нового было в этом утре: сознание *цели*. Сегодня ему предстоят дела. Условленная встреча. Его ждут люди. Рассчитывают на него. Он откинул одеяло более бодро, чем обычно, выбрался из кровати и осторожно спустился по винтовой лестнице, ведущей с бельэтажа, где размещались его спальня и ванная комната, в гостиную открытой планировки и кухню. Там висел список, припиленный к двери холодильника.

1. Выбрать одежду.
2. Подобрать материалы.
3. Инструменты и приспособления.
4. Реквизит.
5. Быть «У Моники» точно в семь часов вечера.

Он два раза подчеркнул слово «точно». Не потому, что мог забыть, но потому, что много лет подряд ему не нужно было приходить куда-то «точно», за исключением, может быть, зубного врача, – и это вызывало у него необычное волнение.

Выпив первую за день чашку крепкого кофе, Джулиан пошел в гардеробную. В те времена, когда они с Мэри принимали гостей, остававшихся на ночь, это была гостевая комната, но теперь она была заполнена рядами металлических стоек с висевшей на них одеждой Джулиана и расставленной внизу обувью. Джулиан любил свои шмотки. Каждая хранила в себе воспоминания о времени, событии, любовном романе. Если закрыть глаза и сильно вдохнуть, иногда можно было почуять запах ушедшей эпохи: домашнего конфитюра Мэри, бездымного пороха с шоу фейерверков на маскараде в Венеции или конфетти из лепестков роз со свадьбы в «Кларидже».

Стоящая в углу кушетка была завалена разными предполагаемыми на сегодня шмотками, которые Джулиан приготовил еще с вечера. Последнее время одевание занимало у него так много времени, что важно было иметь гардероб на выбор прямо перед выходом, а иначе он весь день мог провести, застегивая и расстегивая пуговицы непослушными артритными руками. Окинув критическим взглядом различные опции, он остановился на более скромной. Профессионально. Удобно. Ему не хотелось, чтобы одежда отвлекала от главного – урока рисования.

Затем Джулиан пошел в свою студию с высоченным потолком, свет в которую лился через стеклянную крышу и окна от пола до потолка, и открыл ящик с надписью «КАРАНДАШИ». По природе Джулиан не был таким уж аккуратным. Исходя из общепринятых стандартов, в его доме царил бардак. Однако две стороны своей жизни он содержал в безупречном порядке: одежда и художественные материалы. Он тщательно отбирал обычные карандаши, черногра-

фитные карандаши и ластики: какие-то из них были довольно новые, другие относились ко времени *Битлз* – и все, что в промежутке. Любимые карандаши Джулиана затачивались так много раз, что их было почти невозможно держать в руке, но он не мог их выбросить. Это были старые друзья.

Джулиан поразился, что все еще может привлечь к себе толпу. Та приятная дама, Моника, сказала ему, что на вечерний мастер-класс придут десять человек. Ей даже пришлось некоторым отказать! Да, есть еще порох в пороховнице.

Он покружил по студии, собирая вещи, которые могли пригодиться его новым студентам, нашел для них несколько этюдных досок. В качестве задников для натюрмортов ему подошли бы ткани, в которые были задрапированы манекены. Он покопался в своих любимых справочниках в поисках образцов, способных вдохновить самых простодушных учеников. Он старался не отвлекаться на расставленную в хронологическом порядке коллекцию выставочных каталогов, которая с легкостью могла перенести его в художественный мир Лондона шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых.

Моника просила за двухчасовой урок по пятнадцать фунтов с человека. Джулиан посчитал, что цена высокая, но она не придавала его словам значения, сказав: «Это Фулхэм. Здесь люди больше платят за выгул собаки». Ему заплатили семьдесят пять фунтов за сессию (небольшое состояние!), и Моника к тому же дала ему деньги на покупку дополнительных материалов, которые он при необходимости мог купить в магазине для художников.

Джулиан взглянул на карманные часы. Было десять часов утра. Магазин как раз должен был открыться.

Проходя мимо кафе, Джулиан увидел, как Моника с подносом напитков в руках прокладывает себе путь в обход очереди, собравшейся у стойки. Он еще раньше заметил, что Моника ни минуты не пребывает в покое. Даже сидя, она была оживлена, энергично размахивая из стороны в сторону темным хвостом. Сосредоточившись на чем-то, она непрерывно накручивала на указательный палец прядь волос, а слушая кого-то, наклоняла голову набок, совсем как его старый джек-рассел.

Джулиан по-прежнему скучал по своему псу Киту. Тот околел как раз через несколько месяцев после смерти Мэри. Он винил себя за то, что, скорбя по Мэри, не уделял должного внимания питомцу. Кит тогда начал чахнуть, постепенно утрачивая энергию и живость, пока однажды вовсе не перестал двигаться. Джулиан попытался тогда скопировать эту медленную, но верную манеру умирания, но и в этом, как во многих других вещах, потерпел неудачу. Он положил трупик Кита в хозяйственную сумку, отнес на кладбище и, пока никто не видел, зарыл его рядом с Адмиралом.

Похоже, Моника всегда знает, что делает и куда идет. В то время как большинство людей казались сломленными превратностями судьбы, у Моника был такой вид, будто она на каждом шагу направляет свою судьбу или даже борется с ней. Джулиан был знаком с ней всего неделю, но возникало ощущение, что она подобрала его, переустроила все, что его окружало, и поместила его в реальность, измененную непостижимым и чудесным образом.

И все же, хотя Моника успела здорово повлиять на его жизнь, Джулиан осознавал, что едва знаком с ней. Он действительно хотел написать ее, словно его кисть могла обнажить правду, прячущуюся за защитным барьером, который она воздвигла вокруг себя. Джулиану уже пятнадцать лет не хотелось никого писать.

Сколько раз за последние несколько лет Джулиан шел по этой улице, с изумлением глядя на пронесившихся мимо людей, любопытствуя, куда они идут и что делают, в то время как сам он бесцельно переставлял ноги только из страха, что если не будет этого делать, то его окончательно заклинит? Но сегодня он был одним из них – человеком, идущим куда-то.

Джулиан начал напевать себе под нос, вызвав улыбку у одного или двух человек, проходивших мимо. Не привыкший к подобной реакции, он подозрительно глянул на них, и те

ускорили шаг. В магазине для художников Джулиан отобрал двадцать больших листов плотной бумаги и отнес их к кассе. Нет ничего более бодрящего, подумал он, но и пугающего, чем чистый лист бумаги.

– Я покупаю материалы для своего мастер-класса, – сообщил он кассиру.

– Угу, – пробурчал тот.

Его вряд ли можно было назвать говоруном.

– Интересно, будет ли сегодня у меня на уроке какой-нибудь многообещающий Пикассо, – сказал Джулиан.

– Наличные или карта? – откликнулся кассир.

На лацкане его пиджака красовался бейджик с пятью звездами за обслуживание покупателей. Джулиан подумал: а каковы кассиры с одной звездой?

Следующая остановка – реквизит.

Джулиан задержался возле углового магазинчика, перед которым были выставлены большие корзины с фруктами и овощами. Может быть, чаша с фруктами? Нет. Скучно и банально. Даже урок для начинающих может быть более оригинальным, не так ли? И тут – словно его огрели по лицу мокрой копченой селедкой – в нос ему ударил запах рыбной лавки. Он взглянул на витрину, и вот оно – то, что нужно.

Моника

Моника взглянула на большие вокзальные часы на стене кафе. Без двух минут семь. Большинство студентов класса рисования уже пришли и подогревали свою креативность бокалами красного вина. В качестве дополнительного стимула для привлечения студентов Моника заранее предложила первый бокал бесплатно. Найти студентов было трудновато. Ей пришлось поднять несколько своих связей. Она упростила присоединиться двух своих поставщиков, а также бойфренда Бенджи – База. Чтобы заполнить последнее место, она даже пошла на флирт с мойщиком окон, не забыв извиниться перед памятью Эмелин Панкхёрст. Теперь, если она включит и себя, будет десять студентов. Приличное число. Если Бенджи удастся втюхать достаточно бокалов вина и других напитков, она может даже, заплатив Джулиану и Бенджи и закупив материалы, начать тратить, несмотря на снижение стоимости первого урока до десяти фунтов. Моника вновь посмотрела на часы. Она очень надеялась, что Джулиан не струсит.

В зале кафе слышался гул – это студенты, соревнуясь друг с другом, рассказывали, какие они бесталанные в живописи. Тут открылась дверь, и все умолкли. Моника заранее предупредила всех, что Джулиан немного эксцентричен. К тому же она чуть раскрутила его резюме. Она несколько не сомневалась, что он не писал портрет королевы. Но все равно группа оказалась неподготовленной к появлению Джулиана. Он стоял в дверях в ниспадающей складками блузе художника, бордовой фетровой шляпе, с экстравагантным галстуком на шее, на ногах – сабо.

Джулиан помедлил, как будто для того, чтобы дать группе упиться своим видом. Потом засунул руку себе под блузу и театральным жестом извлек огромного омара. Баз поперхнулся, разбрызгивая красное вино по столу и новехонькой футболке Бенджи «Супердрай».

– Класс! – с легким театральным кивком произнес Джулиан. – Познакомьтесь с сегодняшним объектом.

– Господи! – затаив дыхание, пролепетал Баз. – Он еще *живой*?

– Он довольно старый, но пока не умер, – возразил Бенджи.

– Очевидно, я имел в виду омара, – закатив глаза, произнес Баз.

– Не будь олухом. Он красный, а это значит, его приготовили.

– Что такое «олух»? Рыба такая? – спросил Баз.

– Нет, то окунь, – ответил Бенджи.

Поскольку на всех студентов стульев не хватило, Бенджи с Базом сидели на одном кресле. Баз занял сиденье, а Бенджи устроился на одном из подлокотников. Каждому было лет по двадцать пять, их имена хорошо сочетались с точки зрения аллитерации, но в физическом смысле они были полной противоположностью. Бенджи, рыжеволосый шотландец, в ветренный день мог выглядеть как Тинтин, доросший до шести футов. Баз, с его китайскими корнями, был невысоким, темноволосым и жилистым. Родители База держали китайский ресторан напротив Бродвея, открытый еще дедом и бабкой, и все три поколения жили в квартире над рестораном. Бабушка База постоянно выискивала симпатичную девушку для единственного внука, который в конечном итоге должен был стать поваром.

Моника заранее расставила маленькие столы в кружок, а в центре – большой стол. Джулиан церемонно водрузил омара на блюдо, которое поставил на центральный стол, потом раздал всем бумагу для этюдов, подставки и комплект карандашей с ластиками.

– Меня зовут, – начал он, – Джулиан Джессоп. А этого красивого ракообразного зовут Ларри. Он отдал свою жизнь, чтобы вдохновить вас. И пусть его смерть не будет напрасной. – Он обвел пристальным взглядом сидевших с открытыми ртами учеников. – Мы собираемся рисовать его. Не важно, есть у вас опыт или нет, просто попробуйте. Я буду ходить вокруг и помогать вам. На этой неделе займемся карандашом. Понимаете, рисунок в живописи – то же, что грамматика в литературе. – (Моника немного успокоилась; она любила грамматику.) –

На следующей неделе можем перейти к рисунку углем или к пастели, затем в конечном итоге к акварели. – Джулиан широко взмахнул рукой, отчего рукав его блузы раздулся, как крыло гигантского альбатроса; от дуновения воздуха лист Моника слетел со стола. – Начинайте! Дерзайте! Смелее! Но превыше всего – оставайтесь собой!

Монике было не вспомнить, когда в последний раз два часа пролетали так быстро. Джулиан бесшумно скользил за спинами студентов, которые отважно пытались перенести на бумагу это существо доисторического вида, время от времени наклоняясь к кому-то, чтобы подбодрить, похвалить, исправить тона тени. Моника была довольна пропорциями своего Ларри. Она постаралась точно измерить его способом, которому научил их Джулиан: закрыв один глаз, держишь карандаш. Но поневоле она подумала, что с линейкой получилось бы точнее. Она осознавала, каким жутко плоским выглядит ее омар, словно его расплющили тяжелым предметом, упавшим с большой высоты. Моника почувствовала, что у нее за спиной стоит Джулиан. Он подошел к ней сбоку с карандашом в руке и ловко набросал клешню омара в углу ее листа. Буквально несколькими штрихами он изобразил нечто, готовое прыгнуть с листа.

– Вот так. Видите? – спросил он.

Да, она видела разницу, но в состоянии ли она создать такое? Ни малейшей надежды.

Несколько раз тишину нарушали звонки сотовых, треньканье голосовой почты, Twitter и Snapchat. Джулиан прошелся по комнате, собирая в свою шляпу все телефоны, игнорируя стоны и протесты. Гаджеты были сосланы за барную стойку. Моника осознала, что впервые за много лет она два часа не смотрела в телефон, не считая времени сна и выхода из зоны приема. Это необычным образом раскрепощало.

В девять часов, минута в минуту, Джулиан хлопнул в ладоши, отчего половина студентов – тех, кто сосредоточился на рисовании, – подпрыгнули.

– На эту неделю всё, господа! Отличное начало. Все просто молодцы! Не забудьте подписать свои рисунки и поставить дату, после чего несите их сюда, чтобы мы вместе на них взглянули.

Студенты неохотно потащились вперед, сжимая в руках свои этюды, которые, несмотря на то что все рисовали одного и того же омара, здорово отличались один от другого. Джулиану удалось сказать что-то позитивное о каждом рисунке. Он отмечал необычную композицию, поразительную светотень, приятные формы. Удивляясь в какой-то степени неожиданной чувствительности Джулиана, Моника хотела знать лишь одну вещь: выиграла ли она?

– А теперь, – повернувшись к Монике, сказал Джулиан, – что мы сделаем с Ларри?

– Э-э, съедим его? – откликнулась Моника.

– В точности мои мысли! Верно, нам понадобятся тарелки, салфетки. Нет ли лишнего хлеба, сыра? Может быть, немного салата?

Моника вряд ли осмелилась бы сказать, что она не имела в виду *прямо сейчас*. Боже правый, это превращается в званый обед. Ни на йоту планирования или подготовки. Наверняка добром это не закончится!

Бенджи и Баз носились взад-вперед в кухню и обратно с тарелками, парой багетов, оставшихся после ланча, половиной очень зрелого бри, несколькими порциями салата и огромной банкой майонеза. Джулиан извлек откуда-то бутылку шампанского. Пряталась ли она вместе с Ларри под его блузой художника? Что еще мог он там занюхать? Моника поежилась.

Но вскоре, помимо своей воли, Моника начала входить во вкус. Стараясь не думать о стремительно уменьшающейся прибыли, она принесла из своей квартиры над кафе несколько свечей. Вечеринка была в разгаре.

Моника бросила взгляд на Джулиана, который, откинувшись на спинку стула, рассказывал байки о разгульных шестидесятих.

– Марианна Фейтфулл? Такая потеха. Лицо как у ангела, но у нее грязные шутки были почище, чем у сексуально озабоченного школьника, – слышала она его слова.

Его оживленное лицо в мягком свете свечей на миг показалось Монике таким, как на портрете из Национальной галереи.

– Каким был Фулхэм тогда, Джулиан? – спросила она у него.

– Милая девочка, он был похож на Дикий Запад! Он тогда граничил с Челси, и многие из моих друзей отказывались заходить дальше. Район был очень грязным, индустриальным и бедным. Мои родители приходили от него в ужас и никогда не приезжали в гости. Им было хорошо только в Мейфэре, Кенсингтоне и ближних графствах. Но мы любили Фулхэм. Мы заботились друг о друге. За Ларри! – поднимая бокал шампанского, воскликнул он. – И конечно, за Монику! – добавил он, с улыбкой взглянув на нее. – Кстати, о ней: пусть каждый положит десятку в мою шляпу за обед. Мы не хотим, чтобы она осталась внакладе!

И при этих словах Моника тоже улыбнулась.

Хазард

Энди поставил на стол большое блюдо с рыбой.

– Боже, какая вкуснятина! – произнес вновь прибывший с акцентом, который, по мысли Хазарда, зачинался няней с плоскогорья Норланд, оформился в сельской английской подготовительной школе и был отшлифован в офицерской столовке.

В чиносах и сшитой на заказ рубашке, застегнутой на все пуговицы, этот парень чувствовал себя явно не в своей тарелке. Хорошо хоть рубашка была с коротким рукавом. Хазард поставил себе задачу до конца недели нарядить его в саронг.

Хазард уже проделал некоторые предварительные изыскания. Он знал, что этого взломаченного, громогласного, но очень веселого и дружелюбного новичка зовут Родерик и что он сын Дафни. Насколько мог судить Хазард, этот малый не имел ни малейшего представления о грандиозном романе своей матери с Ритой. Он рассказал Хазарду, что устал ждать возвращения Дафни в Великобританию и вместо этого решил пару недель погостить у нее. Он не вполне понимал, почему она настаивает на столь долгом пребывании на острове, но если это облегчает ее горе в связи с кончиной его дорогого отца, то, значит, так ей лучше. Хазард мрачно кивал, не упоминая о том, что не замечал у веселой вдовы ни малейших признаков скорби.

– Где ты живешь, Родерик? – спросил Хазард, накладывая себе риса и рыбы.

– Баттерси! – ответил тот. – Я агент по недвижимости!

Родерик выкрикивал каждое слово с такой энергией и энтузиазмом, что невозможно было представить его недовольным или подавленным. Он наверняка будет безмерно подбадривать Монику. Хазарду были симпатичны агенты по недвижимости, которые наряду с банковскими служащими вызывали сильную неприязнь нации. Моника не показалась ему настолько недалекой, чтобы для себя вычеркнуть эту профессию целиком. По крайней мере, муж, вероятно, будет часто отсутствовать дома, являясь в то же время владельцем квартиры. Баттерси был еще одним преимуществом, поскольку находился напротив Фулхэма, на другом берегу реки.

– Жена с тобой не приехала? – небрежным тоном спросил Хазард.

– Я разведен, – ответил Родерик, вынимая изо рта мелкие рыбы кости и демонстрируя при этом приемлемый уровень гигиены полости рта, потом он аккуратно положил косточки на край тарелки. – Впрочем, все вышло полюбовно. Очаровательная девушка. Детская влюбленность. Просто отдалились друг от друга. Ты же знаешь, как это бывает.

Хазард сочувственно кивнул, хотя совсем не испытывал сочувствия, поскольку его романы длились не больше нескольких месяцев.

– Ну и что, отказался от мысли о женитьбе? Не станешь больше пробовать?

– Господи, почему нет? Охотно. Лучшая штука на свете. – Выражение его лица смягчилось, когда он взглянул на Дафни, не замечая, что ее рука лежит на колене Риты; Дафни шептала что-то на ухо подруге. – Знаешь, мои родители были обалденно счастливы. Женаты более сорока лет. Надеюсь, мама не очень одинока. – На миг он погрустнел, потом взял себя в руки. – Честно говоря, одному мне не очень здорово. Нужна женщина, которая будет держать меня в узде, не говоря уже о готовке. Ха-ха! Просто мне надо найти какую-то глупышку, которая согласится возиться со мной!

Хазард вспомнил строчки из истории Моники. *Я стараюсь не придираться, не обращать внимания на то, что парень не читал Диккенса, что у него грязные ногти или он разговаривает с набитым ртом.*

– Думаю, ты вряд ли привез с собой книги, да? Мне нечего читать. Я бы с удовольствием почитал Диккенса, – сказал Хазард, скрестив пальцы под столом.

– Только электронную книгу, и, боюсь, я со школы не читал Диккенса.

Этот подойдет. Хазард улыбнулся про себя. После нескольких недель безрезультатного допрашивания с пристрастием каждого холостого мужчины подходящего возраста он, похоже, наконец открыл ларчик.

Обмениваясь дружескими шутками с вновь выбранным Ромео, Хазард осознал, что ему немного грустно. Он ощущал какую-то пустоту. Его попытки пристроить девушку, с которой он, по сути, даже толком не разговаривал, могли показаться немного странными, но это, по крайней мере, отвлекало его от собственных проблем. Чем же ему заняться теперь?

Моника и Родерик. Родерик и Моника. Хазард представил себе, что Моника снова смотрит на него, но на этот раз с выражением глубочайшей признательности, в то время как в тот раз было отвращение. Ну и как же ему организовать встречу этих двух несчастных любовников, если он сам находится на другом конце света? Тетрадь с записями – вот ответ. Ему надо придумать способ засунуть ее в багаж Родерика. Эта тетрадь приведет его к ней.

Хазард уже собирался вернуться к себе в бунгало за тетрадь, когда вспомнил о последнем, и самом важном тесте.

– У вас с женой были дети? – спросил он Родерика.

– Дочка, Сесили, – ответил тот с глуповатой улыбкой на лице, выуживая из бумажника фотографию.

Как будто Хазарду было интересно, как она выглядит. Его интересовал лишь ответ на следующий вопрос.

– А ты хотел бы когда-нибудь иметь еще детей? Если найдешь подходящую женщину?

– Никаких шансов, старина. Меня стерилизовали. Жена настояла – сказала, что не хочет снова проходить через все это. Ты же знаешь – беременность, подгузники, бессонные ночи. – (Хазард не знал, да и не хотел знать, по крайней мере сейчас.) – Это была одна из вещей, из-за которой мы ссорились. Начало конца, а я просто хотел, чтобы она была счастлива. К тому же либо это, либо никакой интимной жизни. Ха-ха!

– Ха-ха, – эхом отозвался раздосадованный Хазард, потому что это разрушило все его продуманные планы.

Для Моника вопрос репродукции не подлежал обсуждению. Хазарду пришлось вычеркнуть Родерика из списка и начать сначала.

Не один раз на протяжении последующих недель Хазард порывался прекратить эту игру в сводничество. Казалось невероятным, что на крошечном пляже этого крошечного острова появится нужный мужчина. Но, как это часто бывает, едва он решил прекратить свои попытки, идеальное решение просто упало ему в руки, словно Вселенная заигрывала с провидением.

Джулиан

Джулиан просто не мог поверить в то, как сильно изменилась его жизнь с тех пор, как он пять недель назад оставил в кафе Моника свою тетрадь. Он толком не знал, чего ожидал от «Правдивой истории», но точно не предполагал, что получит работу и группу людей, готовых стать его друзьями.

В прошлую пятницу он, как обычно, пошел на кладбище с бутылкой «Бейлиса» и, подходя к могиле Адмирала, подумал, что воображение сыграло с ним злую шутку. У него в голове прошлое и будущее частенько сталкивались, а потому он не слишком удивился, увидев, что его ожидают два старых друга со стаканами и бутылкой вина в руках. Но сейчас это было не воспоминание. У могилы стояли Бенджи с Базом (такие милые мальчики). Вероятно, Моника сказала им, где его можно найти.

Джулиан заметил, что при ходьбе начал немного подпрыгивать, а до недавнего времени шаркал ногами. Где она сейчас, думал он, эта небольшая тетрадь, вызвавшая такие изменения? Сошел на нет его проект или вырвался в большой мир и творит где-то свою магию?

Сегодня пошла третья неделя его мастер-класса по рисованию. Группа увеличилась до пятнадцати человек, чему способствовало также и то, что Моника вывесила на доске объявлений в кафе несколько лучших зарисовок Ларри. Спонтанные, но шумные ужины после урока, на которые по-прежнему собирали в шляпу по десять фунтов, оказались еще большей приманкой, чем само занятие. В тот вечер Джулиан принес из дома какие-то бархатные шлепанцы, книгу в кожаном переплете и старую курительную трубку. Все это он разместил на куске узорчатой ткани на центральном столе. На первых занятиях Джулиан объяснял студентам значение тона, обучал их технике владения карандашом и углем, а сегодня принес с собой коробки с пастелью для их первого опыта с цветом, показывая классу некоторые простые приемы.

Джулиан как раз передавал студентам для вдохновения несколько копий пастелей Дега, когда у него за спиной послышался шум. Он обернулся и увидел, как поворачивается ручка входной двери. Моника отодвинула стул и пошла отворить дверь.

– К сожалению, мы закрыты, – услышал он ее слова. – Это частный урок живописи. Правда, еще не поздно присоединиться к нам, если у вас есть пятнадцать фунтов и желание попробовать.

Когда Моника вернулась к группе с молодым человеком, Джулиану стало понятно, почему она не прогнала его. Он не из тех, кого отвергают, подумал Джулиан. Даже оценивая критическим взглядом симметрию его лица и телосложение, Джулиан должен был признать, что этот посетитель великолепен. Смуглый, с темно-кариими глазами, но с копной непокорных, непостижимо белокурых волос. И как будто этого очарования было мало, он приветствовал группу словами, произнесенными с австралийским акцентом, от которого повеяло взморьем.

– Все в порядке, ребята? Я Райли.

Моника взяла чистый лист бумаги и, освободив место, положила его на свой стол, после чего придвинула к столу еще один стул.

– Просто покажи, на что ты способен, Райли, – объясняла она парню. – Не считая Джулиана, мы все здесь любители, так что не стесняйся. Кстати, меня зовут Моника.

Все, сидящие в кружке, по очереди представились. Последним был Джулиан, объявивший свое имя с театральным поклоном и взмахом панамы, которую он надел тем утром в дополнение к кремовому полотняному костюму. В результате из панамы посыпались три сотовых. Ловким движением руки он подхватил телефоны, превращаясь из плантатора в вора-карманника.

Джулиан замечал, что каждый новый человек изменяет динамику и настроение всей группы, как это бывает при подмешивании к палитре нового цвета. Райли добавил желтого.

Не бледно-желтого, как у примулы, не насыщенного желтого или цвета темной охры, а яркой, горячей желтизны солнечного света. Каждый студент казался чуть более раскованным, более оживленным. Софи и Кэролайн, две мамочки средних лет, всегда сидевшие вместе и обсуждавшие школьные сплетни, пока рисовали, повернулись к нему, как нарциссы к солнечному свету. У База был совершенно потрясенный вид, а Бенджи немного ревновал. Сам Райли, похоже, не отдавал себе отчета в том действии, которое оказывал на окружающих, подобно тому как камешек не видит ряби на воде, произведенной от его бросания. Райли сосредоточенно хмурился, глядя на чистую черную бумагу перед собой.

Софи прошептала что-то Кэролайн, кивая в сторону Райли. Кэролайн рассмеялась.

– Перестань! – сказала она. – Пожалуйста, не смейся меня. После трех детей мое тазовое дно этого не вынесет.

– Я понятия не имею, что такое *тазовое дно*, – заметил Джулиан, – но, пожалуйста, в следующий раз оставьте его дома, чтобы не сорвался мой урок рисования.

Сказав это, он немного разозлился, когда Софи и Кэролайн разразились новым приступом смеха.

Джулиан начал привычное кружение по комнате, то подбадривая кого-то, то добавляя пятно цвета, проворно исправляя пропорции или перспективу. Дойдя до Моника, он улыбнулся. Моника была одной из самых прилежных учениц. Она внимательно слушала и стремилась все сделать правильно. Но сегодня она впервые рисовала сердцем, а не просто головой. Ее штрихи смягчились, стали более непосредственными. Наблюдая, как она смеется и шутит с Райли, Джулиан понимал, в чем было дело: она перестала слишком стараться.

На миг Джулиан подумал, а не является ли он свидетелем начала романа. Может быть, большая любовь или просто краткая интерлюдия. Но нет. Одно из преимуществ ремесла художника состоит в том, что проводишь много времени, наблюдая за людьми, примечая не только тени и очертания их лиц, но и заглядывая им в душу. Это наделяет тебя почти сверхъестественной проницательностью. Приобретаешь, особенно приближаясь к возрасту Джулиана, способность понимать людей и предугадывать их поведение. Джулиан полагал, что Моника чересчур независима, чересчур энергична и целеустремленна, чтобы ее привлекло смазливое лицо. У нее, как он считал, более высокие амбиции, чем замужество и дети. Это была одна из черт, которая так восхищала его в ней. Хотя в молодые годы он не стал бы ухаживать за Моникой. Она отпугнула бы его. Джулиан предположил, что Райли напрасно теряет время.

Моника

Стук в дверь разозлил Моника. Она была поглощена поиском нужного оттенка бордового для своих шлепанцев. Она встала, чтобы отослать непрошеного гостя, но, открыв дверь, увидела мужчину с такой чарующей улыбкой, что помимо своей воли пригласила его присоединиться к ним и освободила для него место. Рядом с собой.

Моника не очень-то умела общаться с незнакомцами. Обычно она была слишком озабочена тем, чтобы произвести хорошее впечатление, и ей было трудно расслабиться. Она всегда помнила то, что ей сказали перед ее первым собеседованием при приеме на работу: мнение о вас формируется на девяносто процентов в первые две минуты. Но Райли был таким человеком, которого никогда не воспринимали как незнакомца. Казалось, он влился в их группу как финальный ингредиент кулинарного рецепта. Неужели он всегда так легко приспосабливается? Какое необыкновенное умение. Чтобы увидеть происходящее, Монике всегда приходилось проталкиваться с помощью локтей или стоять в стороне, выворачивая шею.

– Давно ты в Лондоне, Райли? – спросила она у него.

– Я прилетел позавчера, а из Перта вылетел десять дней назад и сделал по пути пару остановок. Я остановился у знакомых моих друзей, в Эрлс-Корте.

Манера поведения Райли отличалась непринужденностью и расслабленностью – такой контраст по сравнению с чопорностью большинства лондонцев. Он успел скинуть свои ботинки и раскачивал взад-вперед босой загорелой ступней. Монике стало любопытно, не остались ли песчинки между пальцами его ног. Она боролась с искушением уронить карандаш, чтобы иметь повод пошарить под столом и посмотреть. «Перестань, Моника», – упрекнула она себя, вспомнив одно из любимых высказываний своей матери: «Женщине нужен мужчина, как рыбе зонтик». Но по временам это казалось чертовски противоречивым. Как, к примеру, это увязывалось с таким: «Не тьяни с замужеством, Моника. Ничто не приносит больше радости, чем семья»? Даже у Эммелины Панкхёрст были муж и дети – пятеро детей. Нелегко правильно построить свою жизнь.

– Ты бывал раньше в Лондоне? – спросила она у Райли.

– Нет. По сути дела, я впервые в Европе, – ответил он.

– Завтра я поеду за продуктами на Боро-маркет. Хочешь поехать со мной? Это один из моих любимых уголков Лондона, – сказала Моника, даже не успев сообразить, что делает.

Откуда это у нее?

– С удовольствием, – ответил он с улыбкой, казавшейся вполне искренней. – Когда собираешься? У меня нет никаких планов.

Разве у человека может не быть планов? И он даже не спросил, где находится Боро-маркет. Моника никогда не согласилась бы на встречу без должной осмотрительности. Но она была очень рада, что он согласился.

– Почему бы тебе не подъехать сюда примерно в десять? После утреннего часа пик?

К своей рабочей форме из свежей белой блузки и черных брюк она добавила яркий красный свитер, сапожки на низком каблуке, серьги в виде больших колец и яркую губную помаду. Она без устали повторяла себе, что это *рабочая поездка*, а не свидание. Райли хотелось получше узнать Лондон, а ей нужна была помощь с сумками. Будь это все-таки свидание, она бы несколько дней мучилась, не зная, что надеть, заготовила бы остроумные шутки, которые небрежно вставляла бы в разговор и выискивала бы потенциальные места на случай неожиданного изменения планов. Подготовка – ключ к эффективной спонтанности. Не то чтобы это до сих пор помогало, подумала Моника, вспомнив Дункана, вегана, любителя пчел. Она задер-

жалась на мысли о нем, словно проверяла больной зуб, болит ли еще. Ничего, кроме тупой боли. Отлично, Моника!

Райли немного опоздал. Хотя она и сказала «примерно в десять», стараясь быть небрежной, но имела в виду десять. Не пол-одиннадцатого. Но сердиться на Райли было все равно что наказывать щенка. Он был такой подвижный, так полон энтузиазма и так отличался от нее, что показался ей занимательным, но чуть утомительным. Какой он сногшибательный красавчик! – подумала она, но отругала себя за поверхностность. В любых обстоятельствах сексуальная объективация – это нехорошо.

– Хотел бы я, чтобы мои братья и сестры все это увидели, – сказал Райли, когда они бродили вокруг прилавков.

Различные культуры и влияния, создавшие плавильный котел Лондона, соперничали друг с другом, атакуя органы чувств и соревнуясь за клиентуру.

– Хотела бы я иметь братьев и сестер, – отозвалась Моника. – Я была единственным долгожданным ребенком.

– Ты придумывала себе воображаемых друзей? – спросил Райли.

– Нет, по сути дела, нет. Говорит ли это о моем ужасно скудном воображении? Но я давала имена всем своим плюшевым мишкам и каждый вечер отмечала их в особом журнале.

О господи, наверное, она слишком откровенна?! Она *наверняка* слишком откровенна.

– Все свободное время я проводил на Тригг-Бич, занимаясь серфингом со старшими братьями. Они брали меня с собой, когда я был совсем маленьким и не мог даже нести свою доску, – сказал Райли, когда они встали в очередь за роллами со свининой. – Я люблю уличную еду, когда ешь прямо руками, а ты? В смысле – кто изобрел ножи и вилки? Какое занудство!

– Честно говоря, уличная еда меня немного напрягает, – призналась Моника. – Я уверена, у них нет регулярного контроля безопасности пищевых продуктов и ни один не покажет вам заключение об их санитарно-эпидемиологическом состоянии.

– А я уверен, что все абсолютно безопасно, – возразил Райли.

Монике нравился его оптимизм, но она считала Райли опасно, пусть и восхитительно наивным.

– Неужели? Посмотри на эту продавщицу. На ней нет перчаток, несмотря на то что она готовит и к тому же крутит в руках деньги – *рассадник* бактерий.

Моника понимала, что, вероятно, может показаться немного занудной. Очевидно также, что Райли гораздо меньше, чем ее, беспокоила безопасность пищевых продуктов.

Немного погодя Моника осознала, что вопреки своему желанию получает удовольствие от поедания пищи без вилки и ножа прямо на улице, в компании потрясающего мужчины, которого едва знает. Она вела себя совершенно безрассудно. Мир вдруг показался ей таким широким, полным возможностей, которых не было несколько мгновений назад.

Они перешли к прилавку, где продавались мексиканские чуррос, еще теплые, покрытые сахарной и шоколадной глазурью.

Райли поднял руку и чуть прикоснулся большим пальцем к краешку ее рта.

– Тут у тебя остался шоколад, – сказал он.

Моника внезапно ощутила желание, оно было намного слаще, чем чуррос. Она мысленно перечислила все причины, по которым, несомненно, чувственные, но абсолютно нежелательные видения, заполнившие ее воображение, никогда не станут реальностью.

1. Райли оказался здесь проездом. Нет никакого смысла в это ввязываться.

2. Райли всего тридцать лет, он на семь лет моложе ее. А выглядит еще моложе – потерявшийся в Неверленде мальчик.

3. Так или иначе, он никогда ею не заинтересуется. Она примерно представляла себе, какое место занимает в негласной иерархии привлекательности. Райли, с его экзотической красотой (отец – австралиец, мать – балийка, как она узнала) был явно не ее поля ягода.

– Нам пора возвращаться, – сказала она, осознавая, что, пусть ее успели околдовать, она сама разрушает чары.

– Твои родители тоже гурманы, Моника? У тебя это от них? – спросил Райли, когда они огибали прилавок, стонущий под тяжестью корзин с оливками всех оттенков зеленого и черного.

– На самом деле моя мама умерла, – откликнулась Моника. Зачем она это сказала? Уж она-то должна была понимать, что это могло свести разговор на нет, но она продолжала говорить, захлебываясь словами, чтобы избежать паузы, которую Райли попытался бы заполнить. – В нашем доме было полно удобных продуктов: картофельное пюре быстрого приготовления, блинчики «Финдус», а для особых случаев – куриные котлеты. Понимаешь, мама была страстной феминисткой. Она считала, что, готовя пищу с нуля, женщина подчиняется патриархату. Когда в моей школе объявили, что девочки будут заниматься домоводством, а мальчики столярным делом, она грозилась приковать себя наручниками к школьным воротам, пока мне не предоставят свободный выбор. Я так завидовала своим подругам, которые приносили домой затейливо украшенные пирожные в бумажной обертке, в то время как я корпела над хлипким скворечником.

Моника живо вспомнила, как кричала на мать: «Ты не Эммелин Панкхёрст! Ты просто моя мама!»

Мать ответила тогда голосом, в котором слышался металл: «Мы все Эммелин Панкхёрст, Моника. Иначе для чего было все это?»

– Готов поспорить, Моника, твоя мама по-настоящему гордилась бы тобой сейчас. У тебя свой бизнес.

Райли сказал именно то, что нужно, и Моника почувствовала комок в горле. О господи, только не плачь! Она вновь призвала певицу Мадонну. Мэдж никогда, ни за что не позволила бы себе расплакаться на публике.

– Думаю, да. По сути, это одна из главных причин, почему я открыла кафе, – произнесла она, сумев справиться с дрожью в голосе. – Потому что я знаю, как ей это понравилось бы.

– Мне очень жаль, что твоей мамы уже нет. – Райли обнимал ее за плечи немного неловко, поскольку тащил на себе ее покупки.

– Спасибо, – ответила она. – Это было давно. Просто я никогда не могла понять, *почему она*. Она была такой энергичной и живой. Можно было предположить, что рак выберет более уязвимую мишень. Обычно она терпеть не могла разговоров о борьбе с болезнью. Она говорила: «Как я могу бороться с чем-то, чего даже не вижу? Здесь нет одинаковых для всех правил игры, Моника».

Они пошли в ногу, в чуть напряженном молчании, потом Моника вернула разговор к структуре цен, почувствовав себя более уверенно.

– Не знаю, смогу ли долго выдержать в этом климате. О чем я только думал, приехав в Англию в ноябре? Никогда не бывал в более холодном месте, – говорил ей Райли, пока они шли по Лондонскому мосту, возвращаясь на северный берег реки. – У меня в рюкзаке хватило места только для легких шмоток, поэтому, чтобы не замерзнуть насмерть, пришлось купить эту куртку.

Его австралийский выговор превращал каждое предложение в вопрос. Порыв ветра швырнул длинные темные волосы Моника ей в лицо.

Она остановилась на середине моста, чтобы показать Райли некоторые лондонские ориентиры, выстроившиеся на берегах Темзы: собор Святого Павла, корабль-музей Крейсер «Бел-фаст» и Тауэр. Пока она говорила, произошло нечто необыкновенное. Райли, по-прежнему нагруженный связками коробок и сумок, наклонился к Монике и поцеловал ее. Вот так просто. Посреди фразы.

Разумеется, этого делать не следовало? В наши дни и в наше столетие это совершенно неуместно. Надо было спросить разрешения. Или, по крайней мере, дождаться сигнала. Она рассказывала в тот момент: «Существовало такое суеверие, что, если вброны улетят из лондонского Тауэра, то корона и государство падут». Ей даже в голову не могло прийти, что он принял эту фразу за поощрение. Моника ждала, когда в ней вспыхнет возмущение, но в результате поймала себя на том, что отвечает на его поцелуй.

«О женщины, вам имя – вероломство!»³ – подумала Моника, но вслед за тем сразу: вот блин! Она в отчаянии пыталась ухватиться за свой воображаемый перечень причин, почему *эта идея была абсолютно неподходящей*. Затем, когда Райли снова поцеловал ее, она разорвала этот перечень пополам, потом стала рвать его на мелкие кусочки, разбрасывая их по сторонам и глядя, как, подобно снежинкам, они опускаются на реку под ними.

Вряд ли Райли мог стать разумным, долгосрочным вариантом, он слишком отличался от нее – такой молодой, непостоянный. И она побилась бы об заклад, что он никогда не читал Диккенса. Но может быть, ей стоит просто завести с ним интрижку? Посмотреть, что из этого выйдет. Стать непринужденной. Может быть, ненадолго примерить на себя этот образ, как могла бы примерить маскарадный костюм?

³ У. Шекспир. Гамлет. Перевод Б. Пастернака.

Райли

Райли уже несколько часов был на пути к Хитроу, зачарованно глядя на экран трекера полета перед собой, на котором крошечный самолет летел через северное полушарие. До прошлой недели он никогда не пересекал экватор. Неужели правда, что в Англии вода, сливаясь в отверстие раковины, закручивается в противоположную сторону? Он не думал, что выяснит это, поскольку никогда не замечал, в какую сторону вода закручивается у них дома. В смысле, разве на это когда-нибудь обращаешь внимание?

Райли полез в рюкзак, стоявший у него в ногах, за книгой Ли Чайлда, которую читал, но вытащил бледно-зеленую тетрадь. Эта тетрадь ему не принадлежала, хотя напомнила о блокноте, которым он пользовался дома для записи резюме клиентов для своего садоводческого бизнеса. На миг он подумал, что взял не свою сумку, но все остальные вещи в ней были его: паспорт, бумажник, путеводители и сэндвич с курицей, любовно упакованный Барбарой. Он повернулся к женщине средних лет, приветливой на вид, сидевшей рядом с ним.

– Это, случайно, не ваше? – обратился он к ней, подумав, что она по ошибке положила тетрадь в его сумку, но она покачала головой.

Райли перевернул тетрадь и взглянул на обложку. На ней были слова: «Правдивая история». Правдивость. Классное слово. В нем было что-то по-настоящему британское. Райли покатал слово во рту, пытаясь произнести его вслух. Язык не слушался его, и он что-то промычал. Райли открыл первую страницу. Ему предстояло еще восемь часов полета, он мог посмотреть, что там написано, поскольку эта тетрадь, похоже, путешествует автостопом в его багаже.

Райли прочел историю Джулиана, и Моники тоже. Джулиан оказался ему характерным персонажем, именно таким, каким он представлял себе англичанина. Моники надо немного расслабиться. Приехать в Австралию и пожить там! Скоро она освоится и обзаведется выводком детей, наполовину австралийцев, которые будут бегать вокруг нее, сводя ее с ума. Райли нашел в алфавитном справочнике, подаренном ему клиентом на прощание, Фулхэм в Лондоне. Это было совсем близко от Эрлс-Корта, куда он направлялся. Какое совпадение. Как странно было думать, что этих людей он никогда не встречал, но знал их потаенные секреты.

Он перевернул следующую страницу, на которой аккуратный округлый почерк Моники уступил место неровным каракулям – словно какое-то насекомое проползло по лужице чернил, а потом издохло.

Меня зовут Тимоти Хазард Форд, хотя, когда у тебя второе имя вроде Хазарда, никто не собирается звать тебя Тимоти, так что большую часть жизни я был известен как Хазард Форд. Да, мне приходилось выслушивать все эти шутки о том, что мое имя напоминает дорожный знак. Хазард было прозвищем моего деда со стороны матери, и использование его в качестве одного из моих имен было, вероятно, самым большим чудачеством моих родителей. С тех пор над ними всю жизнь висел вопрос: а что подумают соседи?

Хазард. Райли точно знал, кто это такой. Бывший банковский служащий, с которым он познакомился во время последней остановки в Таиланде, тот самый, который очень интересовался жизнью Райли и его планами. Каким образом тетрадь Хазарда оказалась в его рюкзаке? Как вообще он вернет ее?

Ты прочтешь истории Джулиана и Моники. Я не встречался с Джулианом, так что не смогу рассказать о нем что-то еще, но могу немного просветить тебя насчет Моники. Я живу всего в нескольких минутах ходьбы от ее кафе. Оно, кстати, расположено в доме № 783 по

Фулхэм-роуд, рядом с книжным магазином «Странник». Тебе понадобится эта информация! Прочитав ее историю, я зашел туда.

Тебе понадобится эта информация? К кому, подумал Райли, обращался Хазард? Вероятно, он это выяснит.

Я пошел туда только для того, чтобы отдать ей тетрадь, но так этого и не сделал. Вместо этого я взял тетрадь с собой в Таиланд, на крошечный остров Ко-Панган.

Я учился в частной школе для мальчиков, куда девочек принимали только в два последних старших класса. Когда новые девочки входили в столовую, каждый из нас поднимал карточку с оценками по десятибалльной шкале. Я не шучу. Сейчас мне ужасно стыдно за это. Во всяком случае, если бы в столовую вошла Моника, я дал бы ей восемь баллов. На самом деле я был тогда таким сгустком гормонов и неутоленных желаний, что, возможно, поднял бы до девяти.

Она вполне ничего себе, Моника. Стройная, с мелкими, изящными чертами лица, вздернутым носом и длинными темными волосами. Но в ней чувствуется энергия, обескураживающая меня до ужаса. Она заставляет меня чувствовать, что я делаю что-то не так. Честно говоря, видимо, так и есть. Она относится к тем людям, которые расставляют все жестянки в буфете наклейками наружу, а книги на полках – в алфавитном порядке. По моему, она склонна все преувеличивать – по крайней мере, так мне показалось из ее истории, – а от этого хочется убежать куда подальше. Ей также присуща раздражающая привычка загораживать тротуары, но это совсем другая история.

Короче, Моника не мой тип. Но я надеюсь, может быть, твой, поскольку, как видишь, девушке нужен хороший парень, а ты, как я думаю, лучше меня.

Не знаю, сработал ли план Моника помочь Джулиану с помощью рекламы преподавателя рисования, но знаю точно: предоставь я это ей, ничего не получилось бы. Она разместила в окне кафе одно довольно бестолковое объявление, которое он вряд ли заметил бы. Так что я немного помог ей. Я снял то объявление, пошел в ближайший копи-центр и сделал около десяти копий, которые расклеил в районе «Челси стьюдиос». Я нашел даже могильную плиту Адмирала, упоминавшуюся Джулианом, и прилепил к ней одно объявление. Пока я бродил по чертову кладбищу, я чуть не опоздал на свой рейс. Оглядываясь назад, я понимаю, что мной двигал не альтруизм. Это было смещенное поведение. Поглощенность рекламной кампанией Моника не дала мне пойти в магазин за водкой для моего путешествия. Надеюсь, все эти усилия окупятся.

Полагаю, мне следует ответить на вопрос Джулиана: что единственное определяет тебя, что заставляет все прочее встать на свои места? Что эж, мне нет нужды долго размышлять об этом: Я – НАРКОМАН.

За последние десять лет или около того почти каждое мое решение – важное или не очень – принималось под воздействием моей пагубной привычки. Это определяло и выбор моих друзей, и то, как я проводил свободное время, и даже мою карьеру. Биржевая торговля, будем честными, – это просто узаконенная форма азартной игры. Если бы ты встретился со мной у меня дома, то подумал бы, что у меня все есть: высокооплачиваемая работа, прекрасная квартира и шикарные женщины, – но на самом деле я целыми днями мечтал о том, как словлю кайф. Малейшего наплыва тревоги или скуки было довольно, чтобы я скрылся в туалете с фляжкой водки и порцией кокаина, пытаюсь снять напряжение.

На миг Райли подумал, что читает о другом Хазарде. Парень, с которым он познакомился, был явным сторонником ЗОЖ. Он не пил, не ходил на вечеринки, обычно ложился спать в девять часов и вставал очень рано для медитаций. Райли предположил, что он законченный

веган (возможно, из-за его хипстерской бороды и саронга, который он постоянно носил), пока не увидел, что парень ест рыбу. Но, рассудил Райли, какова вероятность, что Хазардом зовут какого-то другого человека, чья тетрадь оказалась в его рюкзаке? Ноль.

Райли нахмурился. Как мог он так сильно ошибаться в Хазарде? Неужели все люди настолько сложные? Он явно не такой. Он знает хоть кого-нибудь по-настоящему? Он продолжал читать с некоторой опаской.

Я давно прошел ту точку, когда все это доставляло мне удовольствие. Кайф перестал быть кайфом, а был просто тем, что помогало пережить день. Моя жизнь все сжималась и сжималась, застряв на этой жалкой беговой дорожке.

Недавно я нашел свое фото, где мне лет двадцать, и понял, что потерял себя. В те годы я был добрым, оптимистичным и смелым. Я любил путешествовать в поисках приключений. Я научился играть на саксофоне, я говорил по-испански, танцевал сальсу и летал на парашане. Не знаю, смогу я стать таким снова или уже слишком поздно.

Вчера в какой-то момент я поймал себя на том, что с благоговением смотрю на фосфоресцирующее ночное Южно-Китайское море, и подумал, что, возможно, вновь открою для себя это ощущение чуда и радости. Надеюсь на это. Вряд ли я примирюсь с мыслью прожить остаток жизни без кайфа.

Итак, что теперь? Я не могу вернуться к прежней работе. Даже если я смог бы смешаться со старой толпой и работать с фондовыми рынками в трезвом состоянии, я уже сжег все мосты. Когда я пришел к бывшему боссу с заявлением об увольнении (конечно, под кайфом – последнее «ура!» и все такое), я проговорился ему, что на последней офисной вечеринке нюхнул с его женой грамм кокса, а потом оттрахал ее на том самом столе, за которым он сидит. Я еще пошутил о том, что ухожу с трахом. Вряд ли он напишет мне хвалебный отзыв.

На этом у Райли глаза на лоб полезли. Он подумал, что в Перте нет людей вроде Хазарда.

Так или иначе, работа в Сити действует на нервы. Фактически никогда не производишь ничего, кроме денег. Никому не оставишь наследства. Не в состоянии изменить мир каким-то значимым образом. Даже если бы я смог вернуться туда, не стал бы этого делать.

Итак, Райли. Что ты намерен теперь делать?

Увидев на странице свое имя, Райли шумно выдохнул. Сидевшая рядом с ним женщина с удивлением взглянула на него. Смущенно улыбнувшись ей, он продолжал читать:

«Правдивая история» не случайно оказалась в твоей сумке. Последние несколько недель я выискивал нужного человека. Ты везешь тетрадь Джулиана в то самое место, откуда я ее забрал. Интересно, тот ли ты человек, который сможет стать другом Джулиана или любовником Моника? Или тем и другим? Пойдешь ли ты искать кафе? Сможешь ли изменить чью-то жизнь? Напишешь ли свою историю?

Надеюсь, однажды я узнаю, что произошло потом, так как мне будет не хватать этой тетради. В то время, когда я бесцельно парил в пустоте, она привязывала меня к космической станции.

Счастливого пути, Райли, и удачи тебе!

Хазард

Райли уже два дня находился в Лондоне, и его не покидало ощущение нереальности, словно он участвует в тревел-шоу. Его квартира в Эрлс-Корте оказалась в центре огромной строительной площадки. Всё вокруг либо сносилось, либо перестраивалось. Иногда, когда он стоял неподвижно, его охватывало беспокойство: а вдруг его дом снесут или реконструируют?

Иногда Райли жалел, что нашел «Правдивую историю». Ему не нравилось, что он знает чужие секреты, как будто сует нос в чужие дела. Но, прочитав их истории, он был не в силах забыть о Джулиане, Монике и Хазарде. Это как, прочитав полкниги и сжившись с персонажами, случайно оставить ее в поезде, так и не дочитав до конца.

Он не смог воспротивиться желанию заглянуть в кафе. Он подумал, что просто посмотрит на Монику, может быть, и на Джулиана, – посмотрит, соответствует ли реальность образам, которые никак не выходили у него из головы. От этого не будет никакого вреда. Вот чего он не станет делать, пообещал он себе, так это ввязываться. Но пока он шел к кафе Монике, его нетерпение достигло такого градуса, что, подойдя к двери и увидев собравшихся внутри людей, он совершенно забыл, что собирался остаться зрителем, и повернул дверную ручку.

Не успев еще сообразить, что происходит, он оказался на уроке рисования, который вел Джулиан. А сейчас он бродит по этому потрясающему рынку с Моникой.

Моника была так непохожа на веселых, забавных и простых девушек, с которыми Райли тусовался дома. В какой-то момент она разоткровенничалась с ним о смерти своей матери, в следующий – умолкла, потом заговорила о показателе прибыли товаров, которые покупала. Это было своего рода откровением. В собственном садоводческом бизнесе Райли устанавливал цены, делая грубую оценку затрат, а затем прибавлял то, что, по его мнению, мог позволить клиент. Он всегда терпел убытки на заказах миссис Ферт, недавно овдовевшей, но зато брал вдвойне с владельца хедж-фонда, живущего поблизости. Это представлялось ему вполне честным подходом к работе.

Он решил не предлагать этого Монике, поскольку у нее был истинно научный подход к ценовой политике. Она бубнила что-то о доли прибыли, накладных расходах и оптовых скидках и делала все расчеты без калькулятора, записывая цифры в крошечный блокнот, который вынимала из кармана.

Пытаться сблизиться с Моникой – это все равно что играть в детскую игру «Бабушкины шаги» – медленно продвигаться вперед, пока она не смотрит, и постоянно возвращаться в начало, если она повернется и застучает его в момент движения. Но это не отталкивало Райли, а, напротив, побуждало узнать ее ближе.

Единственное, что портило удовольствие Райли, помимо странной заикленности Монике на бактериях, было сознание того, что ему придется рассказать ей о тетради. Ему казалось нечестным, что он знает о Монике больше, чем она о нем, а по натуре Райли был очень честным человеком. Что видишь, то и получишь.

Впервые встретившись с Моникой на уроке рисования, Райли был не в состоянии упомянуть о тетради. Невозможно было себе представить, что он скажет перед толпой: «Кстати, я знаю, что ты отчаянно хочешь мужа и ребенка». Но чем дольше он тянул, тем больше все усложнялось. А сейчас, пусть это было немного эгоистично, он не хотел нарушать настрой дня, смутив ее признанием о том, что посвящен в ее сокровенные тайны. У Райли появилось ощущение, что он расхаживает посреди всех этих фермерских сыров, окороков и чоризо с неразорванной бомбой в кармане. В конце концов он решил ничего не говорить. Вполне возможно, что он больше не увидит Монику, и в таком случае неведение не обидит ее.

Но в конечном итоге он ее поцеловал.

Моника рассказывала о лондонских достопримечательностях или о чем-то вроде того. Он потерял нить рассказа, зачарованный тем, как темные волосы, красные губы, бледная кожа и порозовевшие от резкого ветра щеки делали Монику похожей на Белоснежку из диснеевского мультика. Она была такой сильной и бесстрашной. Обычно подобные девушки отпугивали его.

Но он ведь прочитал ее историю. Он знал, что под внешней невозмутимостью прячется слабое существо. На какой-то миг почувствовав себя прекрасным принцем из сказки, он поцеловал Монику, и она ответила на поцелуй. По сути дела, с большим жаром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.